

Рос 4-4
7-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ 13-ГО НОМЕРА.

Сказка и быль — — — — —	Передовая статья
Нужды анархической пропаганды в наши дни — — —	М. Неттлау
Анархизм и анархические традиции — — —	Вольтер ^{на} де Клар ^р .
Меры и грани — — — — —	А. Хилков
Искатели истины: материалисты и идеалисты — — —	Н. Рубанин.
Платформа №2 — — — — —	М. И. Сун
Незасуженные обвинения — — — — —	Заявление Федерации
Как относятся анархисты к платформе и платформистам.	
Моление на заре — — — — —	Стих. А. Консе
Свободная трибуна — Статьи М. Рубежанина, Автономова и Е. Моравского.	
Мелкие заметки и сообщения.	

Р 4-4
ОС 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

54-6264. 9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№13

Август, 1930.

СКАЗКА И БЫЛЬ

Редактор американского большевистского журнала "Нью Мэссес", Майкел Голд, побывавший в Москве и очарованный большевистскими порядками, в июньском номере восторгается и расхваливает даже советские тюрьмы. Это не тюрьмы, это не наказание, а одно удовольствие и рай. Послушайте только, что говорит М. Голд о советских тюрьмах, и вы сами добровольно пойдете в это "воспитательно-исправительное учреждение".

"С заключенными, — пишет М. Голд, — обращаются не как с преступниками, а как с невежественными людьми. Их принуждают к учению и мышлению. Крестьян обучают грамоте, письму, истории, науке, экономике. Черноработных — профессиям, и они получают установленную для свободных рабочих плату. Тюремные камеры не запираются на замок и они — только спальные комнаты. Во многих из них имеются цветы, книги, гитары. Профессора читают лекции; заключенные имеют свои собственные просветительные и атлетические клубы; устраивают спектакли; имеют певческие хоры. Тюремная дисциплина не строже, нежели в обыкновенных закрытых учебных заведениях. В любое время допускаются посетители; жена и дети могут долгие часы проводить с заключенным ежедневно. Очень часто заключенным крес-

тянам разрешается уходить в деревню на время весенних посевов и осенней уборки урожая. Каждый заключенный получает двухнедельный отпуск ежегодно, когда он, без всякой охраны или стеснений, может путешествовать по всему Советскому Союзу. В бытность мою в Москве, я присутствовал на пиршке в честь такого отпускного заключенного, устроенной его друзьями".

На основании всего этого, м-р Голд приходит к следующему заключению: "В СССР тюрьмы являются школами, в которых малоуспешные ученики обучаются новому массовому искусству коммунистического общежития. И тюрьмы там с года на год уменьшаются. Почему? А потому, что богатства страны социализированы."

Читая все эти панегирики советской тюрьме, мы думаем, что даже у американского читателя, имеющего смутное представление о большевистских карательных институтах, все-таки зародится сомнение относительно правдоподобности рассказа г. Голда, хотя-бы потому, что уж чересчур хороша и соблазнительна советская тюрьма в его обрисовке.

Для нас же, русских, более близко знакомых с большевистскими порядками и тюрьмами, ясна вымышленность и вздорность всех подобных восхвалений советских тюрем. От-

носитель восторгов м-ра Голда можно сделать следующие предположения: или он по своей партийной обязанности бессовестно и сознательно врет, рассчитывая на безграничную наивность и неосведомленность американского читателя; или же он сам, (если он честный человек) очутившись в Москве, стал невольной жертвой обмана своих московских товарищей, просто пошутивших над наивным, недалеким американцем и показавших ему не настоящую советскую тюрьму, не настоящий советский тюремный режим, а какое-нибудь советское богоугодное заведение, в котором коротают остатки дней своих ушедшие на покой большевистские деятели, сов. служащие и тому подобные служилые люди.

Наивно утверждение г-на Голда о том, что тюрьмы в СССР уменьшаются. Нет, тюремное население в СССР возрастает гораздо быстрее, нежели в буржуазных странах. Под тюрьмы обращены даже некоторые церкви и монастыри. В тюрьмах не хватает мест и арестованных содержат в концлагерях, на Соловках, в гиблых местах Сибири, Туркестана, Туруханского края и т. д.

М-р Голд обо всем этом ничего не знает, или, по крайней мере, делает вид, что ничего подобного в СССР не существует.

— 0 —

Неизвестно — какая "тюрьма" была по казану г. Голду в Москве. Об этом он благодушно умалчивает. Вот как описывает один из анархистов действительные, а не мифические порядки в Бутырской тюрьме. Послушайте, г-н Голд:

"В мужском корридоре Бутырок голодает постоянно до 10 проц. заключенных. Обращение с голодающими очень жестоко: они лежат на цементном полу в одной камере, дверь которой по несколько дней не открывается. Не разрешают ходить в уборную, в баню; отменены прогулки, свидания. Если кто протестует и требует коменданта, — сажают в карцер. Если он продолжает протестовать, — бьют и связывают. Соседи часто слышат такую борьбу. Напрасно хвастаются заграничные агентурные газеты советского правительства образцовыми порядками в тюрьмах. Факт тот, что в тюрьме ничего, кроме соломенного матраца, нет. Кто не прине-

сет с собой подушки и одеяла, тот должен лежать на полу, на соломе, в пыли и грязи. Таково положение в образцовой, столичной тюрьме — в Бутырьках. Еще хуже положение в других тюрьмах, особенно провинциальных".

Вырвавшийся из СССР анархист-рабочий Лазаревич дает такое описание режима "Внутренней тюрьмы ГПУ" в Москве:

"Как общее правило, во "внутренней тюрьме ГПУ" всякая корреспонденция запрещена; нельзя иметь ни карандаша, ни бумаги, ни газеты. Если следователь разрешает, то можно иметь две книги в неделю из библиотеки, которых впрочем нельзя выбирать. Часовой имеет право стрелять без предупреждения в каждого заключенного, который покажется в окне; абсолютная тишина: напев или свист может навлечь карцер; последний представляет собой черную сырую клетку, где заключенный помещен часто без одежды, на нем оставляют только нательное белье; всякое общение между арестованными строго преследуется; в камерах, где сидит много людей, заключенные должны говорить вполголоса; никакого различия между политическими и уголовными. По ночам каждую четверть часа открывается волчек, зажигается элентричество и надзиратель смотрит: в одиночных камерах лампа горит всю ночь. Пища состоит из фунта черного хлеба, тарелки супа с несколькими кусочками мяса в полдень и вечером тарелки каши. Постель состоит из одного тюфяка без одеяла; обычно этот тюфяк переходит от одного заключенного к другому без дезинфекции. Режим особенно тяжел для рабочих, которые, живя в бедности, не могут получать от родных добавочного питания или одеяла".

Вот еще одна картина тюремных нравов, описанная в письме политического из СССР:

"Ночью часа в 3 банда вооруженная и свирепая ворвалась в камеры анархистов (в Ленинграде), набросилась на них, перевязала руки ремнями и силой вытаскивала из камеры на тюремный двор, бросая как дрова на грузовой автомобиль. Больного Федорова и Марию Полякову, голодавшую уже 6-е сутки, также силой бросили и под усиленным

конвоем вся партия, назначенная в Соловки, была доставлена на Николаевский вокзал в приготовленные в тупике арестанские вагоны. С ругательством, оскорблениями и пинками все были таким образом доставлены в Кемь на пересыльный пункт Попова острова в 60 верстах от о. Соловков.

“В тот же день вечером во время поверки в барак ворвался вооруженный надзор под командой начальника лагеря и его помощника, свирепого полковника царской армии, из заключенных же. Скомандовал нам смирно, руки по швам, приказывая стать в строй вместе с уголовными. Анархисты отказались. Тогда начальник скомандовал поставить силой. На нас набросились и силой поставили в строй, а затем 6 человек утащили в карцер. Карцер из себя представляет сарай из сколоченных досок, без отопления и при 25 град. морозе с нас сняли одежду, оставив только в нижнем белье, продержали в таком положении 65 часов. Мы согревались собственными телами, прижавшись друг к другу и топчась на месте. На следующий день анархисты и два с.-д. объявили смертельную голодовку с требованием перевода на социалистический политический режим. Проголодав 5 суток, не принимая даже капли воды, истощенные прежними голодовками люди походили на живые трупы, но не сдавались. Наконец, явилось начальство и объявило, что мы признаны политическими”.

Вот еще несколько случаев из жизни политических заключенных:

“Неожиданно для нас всех (на Соловках) вызвали т. Сорокина-Ковалева, правого с.-р., и Корду, анархиста, с вещами и увели их на Секирную гору в штраф-изолятор (в тюрьме еще имеется тюрьма), откуда они подали заявление протеста, на что администрация наложила резолюцию: “держат до тех пор, пока не примирятся с лагерной дисциплиной.” После этого оба объявили голодовку протеста с требованием: 1) снять с них штраф-изолятор, 2) возвратить их к своим товарищам, 3) оставить прежние условия, на которых живут остальные политические. После 43 дневной голодовки требования их были удовлетворены и они были взяты в лазарет. У одного из них, у Корду, от-

нялась совершенно нога, так как перед этой голодовкой за 1½ месяца снял предыдущую голодовку, продолжавшуюся раньше 58 дней. Из них 30 дней применялось искусственное питание”....

“Тов. Р., вместе с другими товарищами, отбывает срок ссылки в Нарымском крае. Морозы 25-ти градусные, деревушки в 10 домов. Постоянного заработка — никакого, но кое-как перебиваемся”.

“Л. нуждается в серьезной операции, а М. очень плох — он сильно болен сердечной и базедовой болезнями”.

“Тов. Т. ссыльная, с маленьким ребенком, лишена какого бы то ни было “духовного удовлетворения” и боится полной атрофии”.

“Тов. М. (полит-изолятор) больна. Ей едва минул 31 год, а у нее вследствие болезни выпали все зубы”....

...“В Ташкенте 16 наших товарищей ссыльных объявили голодовку против невыносимых условий ссылки, проголодали одиннадцать суток, но их сильно избили, развели по неведомым местам и дальнейшая их судьба неизвестна”....

— 0 —

Можно было-бы продолжать этот мартиролог страданий и мучений политических заключенных до бесконечности. И как это не похоже на умилительное описание советского тюремного быта, данное редактором американского большевистского журнала! Чего же большевики добиваются подобными жестокими, зверскими мероприятиями? Конечно, здесь речь идет не о перевоспитании их и исправлении. Избиения, голодовки, обречение на хроническое недоедание — все это так! не похоже на учбу.

Большевики просто держат курс на удушение и физическое истребление своих политических противников. И более откровенные из них нисколько не скрывают этого факта.

Когда один из иностранных анархистов обратился в Исполком Коминтерна с требованием освобождения анархистов, то коминтернский деятель Ракочи, выразив удивление по поводу того, что в Москве есть еще анархисты, не находящиеся в заключении, цинично заявил ему, выкатывая свои сумасшед-

М. НЕТТЛАУ.

НУЖДЫ АНАРХИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В НАШИ ДНИ

(Для „Пробуждения“, Детройт).

Когда, после стольких веков умственной спячки, началась настоящая работа над исследованием явлений природы, то постепенно было открыто много неизменных рядов причин и следствий — так называемые, законы природы. Эти законы действовали и раньше, но они были скрыты множеством внешних признаков и производных явлений, открытие этих законов и их полное понимание стоят в ряду величайших достижений человеческого ума, которому содействовали лучшие методы изысканий и, часто, интуитивный гений исключительно одаренных людей. Жизнь, в своем безконечном разнообразии, познана, таким образом, как результат противоречивых течений качеств, количеств, направлений и пропорций, в которых мы начали уже разбираться. Это — трудная задача, далекая от завершения и всеми тайнами которой едва-ли когда-либо удастся овладеть полностью. Иногда нам удастся познать одну из этих сил и заставить ее действовать согласно нашим желаниям и потребностям. Например, электрические токи течение одного

века были использованы для несметного множества целей. Однако, эта сила и еще многие другие действуют в живой и мертвой природе в целом ряде других направлений независимо от нас, и они поддаются только самому тщательному изучению или еще вовсе не могут быть изучены.

Эта параллель научает нас оценивать трудности познания, в действительной жизни, общих тенденций, вроде „свободы“ и „солидарности“, надлежащее приложение которых к личной и общественной жизни мы считаем желательным в качестве основных гарантий прогресса и счастья для всех. Никакая единичная формула не может вместить все способы этого приложения к безконечному разнообразию элементов, составляющих человеческое общество, и наши интуитивные концепции здесь были примитивны, как были они примитивны на первых порах и в начале всякой другой области человеческого познания. Это позднее начало явилось результатом всемогущества власти на протяжении веков, ибо власть порождает и сейчас порождает

шие и кровавые глаза, что „нужно придушить всех анархистов“...

И большевики последовательно проводят на практике эту сумасшедшую политику не только в отношении анархистов, но всех других социалистических партий и даже собственных большевиков-оппозиционеров, составляющих теперь довольно значительный процент советского тюремного населения.

Пока еще не видно конца этой кровавой оргии и безграничному произволу советской власти. Временами кажется, что оголтелые диктаторы утонут в реках пролитой ими крови. Конечно, всему бывает конец. Усиливающийся красный террор — не что иное, как предсмертные судороги доживающей последние дни сталинской диктатуры.

Нам же, наблюдающим всю эту драму издалека, надо сделать все от нас возможное, чтобы помочь жертвам большевицкой дикта-

туры, томящимся в тюрьмах, гибнущим на Соловках, в политизоляторах, в концлагерях и прочих гиблых местах. Каждый из нас прежде всего должен оказать материальную помощь гибнущим в СССР нашим товарищам заключенным. Фонд, который собирает детройтский комитет (9219 Руссель стрит), надо довести до 2-х тысячной суммы как можно скорее, и эту сумму еще более увеличить, ибо велика нужда наших гонимых и преследуемых в СССР товарищей.

Надо не забывать также и о нашей обязанности морально поддержать смелых и неустанных борцов за уничтожение всякой власти и свободное безвластное общество. Только уничтожив большевицкую диктатуру и не допустив создания никакой власти, трудящиеся массы в СССР смогут устраивать вольную жизнь без тюрем, ссылок и кровавого террора.

эгоизм, а не солидарность. Более высокая степень совершенства может быть только результатом большой работы.

Никто не станет утверждать, что в той или иной области науки работа уже совершенно закончена. Разумеется, и развитие более совершенных форм анархических идей еще впереди, оно только начинается и никогда не прекратится.

Эти утверждения расходятся с заявлениями многих пропагандистов, что теоретическая часть нашей работы уже завершена, и что остается личными или общественными усилиями накоплять те материальные силы, которые опрокинут все препятствия для осуществления сущности нашего учения. Конечно, такие силы следует накапливать и обучать их разумно сотрудничать. Но если их будет вдохновлять только воля к победе и желание навязать свою программу, то революция, превратившись в гражданскую войну, в сущности своей не будет отличаться от обыкновенной войны, т. е. от войны с другой нацией, от желания беспощадно и безжалостно навязать ей свою волю, после победы над ней. Можно победить и выиграть, можно оказаться побежденным и потерять, но ничего этим путем доказать нельзя, ибо только имя победителя меняется или остается неизменным.

Творческою будет только та революция, которая устранил препятствия и откроет свободный путь для скрытых сил и возможностей, создаст и сохранит настоящую возможность свободы развития, путем соединения или расслоения, путем движений всех форм и ритмов, для каждого и для всех.

Но это еще далеко не все. Если бы свобода была таким образом возвращена всем, то одни знали бы, как ею пользоваться, а другие нет, или знали бы плохо. Поэтому важно умножить число первых, и в этом состоит теперь наша главная подготовительная работа. Она требует, чтобы не только воля, но и способности, искусство, опыт свободы развивались в современном и грядущем поколениях людей. Тогда они смогут бросить свою тяжесть на весы для превращения будущей революции из простой социальной

войны в определенные действия для освобождения человечества.

До сих пор этого не сознавали в достаточной степени. Мы были слишком уверены, что обладаем конечными истинами, требующими только приложения путем добровольным или насильственным. Такие поверхностные идеи были поощрением для многих во время великой оторванности нашей, в самом начале нашего движения, когда твердость убеждений, сходная с религиозной верой, была необходима для проповеди популярных идей перед лицом беспредельной враждебности тех, чье монопольное владение не только собственностью, но и властью остается непоколебленным. Но такая вера, будучи крепкой поддержкой в начале, становится препятствием, как только она начинает устанавливать неизменные догмы. Мы хотим, чтобы наши идеи двигались и развивались вместе с расширением области науки, и мы не должны требовать, чтобы они были неизменными и постоянными, как символы веры. Религия, это — окаменевшая наука, это идея о Вселенной, выработанная мыслителями раннего, может быть доисторического времени, и с тех пор всегда объявлявшаяся святою и неизменною. Марксизм ортодокса — окаменевший социализм сороковых годов прошлого века. Никто из наших анархических мыслителей — разве лишь в тех случаях, когда человеческая слабость омрачала их суждение — не претендовали на большее, чем изложение их личных взглядов в меру их разумения, на выражение того, что соответствовало времени, окружающей среде и ходу событий данного времени. Более глубокий анализ показал бы, в каких пределах их взгляды определялись их личным предрасположением и историей.

Эти идеи, различные в силу различия их творцов, были тщательно сохранены и дополнены их последователями, объединены, сосредоточены, обобщены для практических целей, — пропаганды программной и организационной работы, и пр. — и таким путем эти идеи приняли вид ясных, точных и, по видимому, окончательных идей. Для новых приверженцев эти идеи стали как бы итогами

и окончательными выводами, евангельскими истинами. Тогда как в действительности их чисто личное происхождение было и осталось неустраняемым. Идеи Джозиа Уоррена и Прудона, Бакунина и Кропоткина, усвоенные многочисленными учениками и приверженцами и поверхностно переделанные в современные идеи индивидуализма, мутуализма, коллективизма и коммунистического анархизма, тем не менее остались лишь тем, что Уоррен в 1830, Прудон в 1840, Бакунин в шестидесятых, а Кропоткин в восьмидесятых годах считали наилучшей анархической системой, согласно их личному и, без сомнения, очень большому опыту. Совершенно так же Дарвин истолковывал природу, Бетховен сочинял музыку, Рембрандт писал картины, каждый в свое время и в согласии с его духом и с особенностями своего гения.

Тот, кто изучает теперь природу, или пишет картины, или творит музыку, делает это на гораздо более широкой основе, чем в свое время делали Бетховен, Рембрандт или Дарвин, и они видят перед собой еще более широкие возможности достижений в области звуковой и зрительной гармонии, и пр. Область искусства не ограничивается для них достижениями Бетховена и Рембрандта. Так и для анархизма было бы логично и жизненно стать широким полем свободного исследования и размышления над его главной задачей: осуществлением человеческого счастья через свободу и солидарность,—а не только быть верным отражением в современной жизни того, что творцы главных направлений анархизма считали наилучшим, примерно, сто, девяно, семьдесят или пятьдесят лет тому назад. Наука так не поступает, она не основана на фракциях и не делится на фракции согласно тому, что те или иные выдающиеся ученые проповедывали 100, 90, 70 или 50 лет назад. Наоборот, она основывается на том, что является результатом коллективных исследований в той или иной отрасли науки, а этот достигнутый результат может измениться каждый час, как только новые результаты достигнуты, проверены и становятся известными.

На этот уровень мы должны поднять анархизм, если хотим, чтобы он занял свое настоящее место в советах мира, место, ко-

торое принадлежит ему в силу его стремлений и которое он заслужил своей преданностью делу и ценою столь многих жертв, во которое он не может занять, если не станет действительно живым и прогрессивным организмом и фактором, если он не перестанет быть только утверждением личных взглядов наиболее выдающихся своих мыслей.

Ясно-ли, что я хочу сказать? Как естественные науки шире, чем какие-бы то ни было отдельные выводы Дарвина, а музыка шире, чем лучшие произведения Бетховена, так и анархизм шире, чем лучшие изложения его Бакуниным или Кропоткиным. Подобно соответствующим произведениям Прудона, Реклю и других, произведения Бакунина и Кропоткина являются лучшими произведениями анархической мысли, и мы должны их изучать и знать, но анархизм содержит в себе много больше сказанного ими. Мы должны действительно и ежедневно работать над анархизмом и для него, как ученые работают в своих областях каждый час и в каждой точке земного шара. Мы не должны довольствоваться только пропагандой анархизма в пределах созданных другими идей, а обязаны создать огромную лабораторию живого анархизма, подобную мировому сотрудничеству ученых.

Когда мы будем в состоянии сказать гораздо более ценное, проверенное на опыте, непосредственно приложимое, чем то, что у нас есть сейчас, то ценность наших советов завоеует нам внимание человечества. Только тогда наше великое дело начнет подвигаться вперед быстрыми шагами.

На мою долю выпало видеть очень много анархических произведений в разных странах на разных языках, разных времен, детально познакомиться с историей анархизма и присмотреться к анархической пропаганде в разных странах. Удивляясь настойчивости и преданности многих товарищей, я в то же время поражался их нежеланию предпринять решительные шаги для перехода от догмы к науке. Это нежелание сказывается в большинстве анархических произведений. Быть научными означало бы, по мнению многих, быть практичными, а это было бы унижением, разложением, падением, и это не должно случиться. Так избегают соприкосновения с реаль-

ностью, как загрязняющей и развращающей. Так устраивается беспечная возможность использования опыта.

Однако, опыты ведут часто лишь к призрачным успехам, терпя неудачу одиннадцать раз и удаваясь только в двенадцатый раз. Твердое решение добиться успеха хотя бы ценою многих неудач, в нашей среде отсутствует, не в силу недостатка энергии, а в силу принципа: — пренебрежительного отношения к соприкосновению с действительностью. Мы, таким образом ограничиваем круг нашего влияния одними нашими приверженцами, энтузиастами, иногда даже любителями парадокса. Мы ничем не привлекаем тех, кто готов прочно примкнуть только к тому, что можно видеть, кого убеждают только опыт и факты, а не утверждения, логические построения, эмоциональное негодование и возмущение. Чтобы быть живым фактором, идея должна привлекать сторонников, людей всех видов интеллектуальной и эмоциональной энергии, как бы ни было мало их общее число: сплотившись, они постепенно проведут свою точку зрения. Односторонний же состав такой группы обычно изолирует ее и заставляет ее отставать.

Таковы, по моему мнению, причины, заставляющие анархистов стоять на заднем плане во время нынешнего мирового кризиса, ставшего хроническим. Мы должны дать страдающему человечеству нечто большее, чем простую критику и холодное: „мы вам говорили...“ Совершенно верно, что постоянное пренебрежение к тем предупреждениям, с которыми анархисты выступали в течение целого века против власти, развивало власти руки и давало ей возможность отнять у народа ту свободу, которую, сто лет назад, в 1830 г., либерально-революционные движения тех лет, казалось, обезпечили навсегда. Верно и то, что все предостережения, от Прудона до Бакунина и Кропоткина, оставались без внимания авторитарных социалистами, и что социал-демократия и большевизм в их теперешней форме представляют собой как раз то, против чего названные писатели и другие товарищи предостерегали, как против вырождения. Но ошибки обоих — власти и заблудившего социализма — причинили неис-

числимый вред человечеству в целом и социализму в целом, а такие бедствия требуют активной помощи страждущим, сотрудничества с ними в эти годы их испытаний — а не только партийной критики с нашей стороны. Если мы не войдем в более близкое соприкосновение с человечеством в эти годы бедствий, мы станем ненужными тогда, когда человечество достигнет относительной силы и благосостояния хотя бы под властью угнетателей, старых и новых.

Мы не любим опускаться до подробностей, считая их неважными или реформистскими. Но жизнь состоит из подробностей, из бесчисленных мелких действий, и все они должны так же тщательно совершаться, как и крупные решающие действия. Всякий настоящий социализм должен быть возможно полным, и если люди не подготовлены к потребности в таком социализме и к жажде в нем, они будут протестовать против него резкими мелкими выступлениями и парализуют или одолеют его. Результатом явился бы насильственно навязанный государственный социализм чисто экономического типа и враждебность большинства народа — социализма без социалистов или с социалистами в позорной роли современных большевиков, насильно заговяющих враждебно настроенное население в большевистский социализм. Анархизм, который может жить лишь там, где есть налицо достаточное согласие и добрая воля, где народ действительно добровольно идет к нему, должен подготовить народ к пониманию всех своих особенностей, а потому должен входить в подробности. Он не может добиться согласия или хотя бы только дружественной терпимости со стороны населения силою общих формул, непереваримых для непосвященного совершенно по тем же причинам, по которым хлеб и молоко, приготовленные в химической лаборатории, оказались бы непереваримыми для желудка, привыкшего к простому хлебу и молоку.

Анархизм не пострадает от того, что станет доступным простому уму, а только научится новому, приобретет опыт, найдет сочувствующих и постепенно приобретет более широкую основу, состоящую, быть может, не из воюющих пропагандистов и бунтарей,

а из спокойных сочувственников, являющихся весьма необходимой категорией, нужной всем передовым группам и дающей им, если не активную помощь, то, по крайней мере, прикрытие и защиту от жестоких врагов. Сравнительная степень есть во всем: в силе чувства, в остроте ума, в степени готовности к жертве. Каждая передовая партия нуждается в дружелюбно настроенных соседях и поступает глупо, если ссорится с теми, кто отделен от нее только степенями.

Если данная подробность действительно важна и если ее рассматривают в духе широких воззрений, без мелочной узости, то она становится существенным фактором, но не только она, а также и разнообразные приемы и тактические действия пропагандистов. Такое разнообразие является здесь, как и повсюду, необходимым, и оно должно быть противопоставлено централизации и однородности. С уважением относясь в теории и в наших мыслях ко всякому местному разнообразию и самостоятельности, мы все же ведем пропаганду наших анархических идей в более или менее однообразной форме повсюду, а в этом заключается противоречие. Сущность наших идей, безпрепятственное развитие (свобода) и превосходство соединенных усилий (солидарность) — универсальны, но в силу именно этого их характера, каждое их приложение должно быть особым, индивидуальным — или коллективно-личным, различными, как различные между собой все произведения природы.

Может показаться, что очень трудно излагать идеи так, как здесь намечено. Однако, шаги в этом направлении должны быть предприняты. Ибо излагать их в том виде, в каком они содержатся в массе разных брошюр, программ, „платформ“, делать это повсюду и при всех условиях, это чересчур легкая, почти механическая задача, и мы не можем ожидать, чтобы вековые авторитарные и эгоистические взгляды уступили свое место этим новым, не испытанным на опыте утверждениям. Таким путем пропаганда задевает только небольшое число предрасположенных лиц, прирожденных бунтарей, свободных от себялюбия людей, чуткие и легко возбудимые натуры, часто людей большой мораль-

ной ценности, но за пределами этих групп мужчин и женщин, которые как будто ждали нашего прихода и из чьих рядов мы сами вышли, за пределами этих групп истинных борцов, мы почти не проникаем в густые ряды воспитанного на авторитете и эгоизме человечества. Таков факт. Поэтому я думаю, что более умелое и рассчитанное изложение наших идей является чрезвычайно необходимым вторым шагом, после того, как в течение целого века мы занимались только непосредственно доступными нам элементами, как показано выше. Позднее другие шаги должны последовать, и кто может предвидеть завершение этой задачи?

Что было сделано для анархизма до сего времени? Помимо многих авторитарных социалистов, в своих утопиях и системах просто стремившихся как-нибудь навязать свои идеи всему человечеству, было несколько социалистов, вообразивших, что они могут предвидеть грядущее развитие, и что человечество фатально, автоматически пойдет предсказанным ими путем. Потом они решили, что их предсказания оправдались, и они пожелали сами вести по этому пути. Таков был изменчивый марксизм, то идущий вперед с верой, что ветры эволюции надуют его паруса и гонят его судно в нужную пристань, то берущий эволюцию в свои собственные руки и драконовскими мерами надвигающийся ей свои собственные методы, то прибегающий к опытам, меняющий методы и пр. Это и еще соединение капитализма с государственным социализмом — в сущности, и составляют все, что сделали авторитарные социалисты, а ведь у них было уже очень много случаев показать, на что они способны. Результат, как мне кажется, был таков, что чем больше было у них возможностей, тем меньше они были в состоянии использовать их. Их первые вожди были выдающимися писателями с большим числом последователей. В качестве теоретиков они редко наталкивались на препятствия для полного выражения своей мысли. Наиболее значительным исключением были русские писатели и прежде всех — Чернышевский, так жестоко принужденный к молчанию в расцвете своих сил. Позднее эти авторитарные теоретики стали

профессорами, парламентскими деятелями, журналистами, вождами рабочих, к ним прислушивались и некоторым даже повиновались широкие круги населения. Еще позднее, в наши дни, они становились министрами, высшими чиновниками, создавали правительства и направляли политику целых стран, у них даже есть своя собственная огромная Русско-Сибирская Империя. Но вся эта деятельность как-будто показывает, что их социализм не есть настоящий социализм, что он только даст народу государственное ярмо вместо капиталистического ярма. Все это не есть социализм.

Рядом со всем этим появились анархические мыслители и бунтари, начиная от Вильяма Годвина, но не в таком большом числе, как авторитарные писатели. Если исключить Прудона, в течение многих лет влиявшего на французское общественное мнение, то все остальные анархисты создавали свои произведения в борьбе с большими внешними препятствиями. Только немногие прислушивались к ним, и они редко пользовались при жизни международной известностью, как, например, Джозеф Горрен, американец, который тогда был известен только в своей стране и в узких кругах Англии. Макс Штирнер был неизвестен за пределами Германии, Кердериу и Дежюк были известны только во Франции, да еще некоторым изгнанникам 50-х и 60-х годов, и т. п.

Позднее, в 1864 году, Международное Общество Рабочих впервые создало объединение более значительных групп рабочих и социалистов нескольких стран, возбудило их чувства солидарности, подняло их реформистские и революционные надежды и стало распространять некоторые простые социалистические истины, вроде идеи коллективной собственности на землю и средства производства. Но ни Прудоновский ни Марксов коммунизм, ни социал-демократический государственный социализм, ни Бакунинские доктрины анархического коллективизма не получили преобладания — явное доказательство того, что никогда одна единственная доктрина не сможет вытеснить все другие.

Вместо того, чтобы понять это надеждам образом и радоваться, что социализм

создал четыре или больше учения, представляющих известную ценность, сторонники этих учений стали враждовать и сориться между собою, ненавидеть и презирать друг друга, как если бы существовало какое-либо провидение или естественный закон, в силу которого одна разновидность социализма оказывалась правой, а все остальные неправыми. Таким образом, после того, как на четвертом конгрессе в Базеле, в 1869 г., все четыре описанные оттенка и некоторые другие приняли участие в дружественных беседах и прениях, началась война за преобладание и упорная самозащита. В сентябре 1872 г. произошел окончательный разрыв и разделение на группы, на вечные времена (на Гаагском конгрессе). С тех пор рабочие организации, основанные для повседневной борьбы и их многочисленные учреждения, для поднятия социального уровня рабочих, тоже разделились. Делали они это по большей части под руководством авторитарных социалистов и реформистов. Исключение составляет только период в несколько лет, когда расцветал революционный синдикализм во Франции и в южных частях Испании.

Анархические идеи были чрезвычайно обстоятельно развиты Бакуниным, Дж. Гильомом, Малатестой, Кропоткиным и др., но как я уже сказал, и как я убеждаюсь все больше и больше по мере пристального изучения этих и других писателей, их идеи отразили их индивидуальность и окружающую среду и, таким образом, они ценны, как отражение своего времени, они всегда будут интересны благодаря их талантливости, их исторический интерес будет в том, что они отмечают этапы развития в истории анархизма, они являются примерами хорошего изложения идей, и т. д. Однако, наше время должно было бы иметь свои собственные произведения равной ценности, а между тем оно их не имеет, и было бы самообманом думать, что превосходные, но старые произведения, могут удовлетворять и теперь. Трудно будет их заменить, но это должно быть сделано: ибо как можем мы ожидать, что сумеем осуществлять идеи, раз мы даже не упражняем свой ум путем попыток дать ему действительно современное выражение в нашей мысли.

Так много событий произошло за эти пятьдесят или шестьдесят лет, после той эпохи, когда ожидалось общее революционное восстание рабочих масс, когда эти массы так жадно стремились познать и принять социализм, когда были еще молодыми и шумными борцами все те, кто с тех пор стали мало подвижными реформистскими вождами. Социальная эволюция за это время не шла быстрыми и бурными скачками, как мы это знаем теперь, не было быстрых и широких революционных перемен, а происходившие перемены совершались под непрерывным давлением повседневной борьбы рабочих, сопровождавшейся постоянной социальной критикой и напряженным изучением общественных вопросов, реформами всех степеней, качеств и значения. Все это вместе взятое глубоко изменяло настроение рабочих. Кроме того, широкие другие слои населения были вовлечены в борьбу за улучшение жизни и социальную самозащиту — крестьяне и фермеры, затем мелкие производители в тех странах, где они еще удержались в борьбе против крупных капиталистов, затем национальные группы, малые и большие государства, как единицы с общими интересами, против всех других государств, затем значительные части наименее зажиточных членов профессиональных и технических классов, а еще позднее — даже далекие народы других рас и континентов, которые еще не так давно рассматривались только как обязательные потребители европейских и американских товаров и которые теперь претендуют на то, чтобы иметь свою собственную умственную, промышленную и национальную независимую жизнь. Куда мы ни посмотрим, повсюду в мире встают особые, местные проблемы, умело и усердно исследуемые. Вокруг этих проблем группируются массы живых и деятельных людей за или против предложенных решений. Перед лицом этой сложности современной жизни обычная форма изложения анархизма путем резких выступлений, отвлеченной критики, подчеркнуто-революционных программ, является упрощенной, отвлеченной, остается по большей части бесплодной.

Совершенно так же прислушиваются люди к воскресным церковным проповедям,

не оказывающим никакого влияния на бурную современную жизнь в остальные дни недели.

Мир прислушивался иногда к тому, что говорил Толстой, во многих кругах с симпатией относились также к позднейшим учениям Кропоткина о взаимопомощи и этике, все вообще с уважением относились к Революции, на анархистов — мучеников последних двадцати лет 19-го века смотрели с глубоким интересом, иногда с почтительным удивлением, как на святых. Все это прошло, и за исключением трагедии Сакко и Ванцетти осталось очень мало в наше время такого, что напоминало бы о прошлом. Перед публикой теперь масса других разнообразных вопросов — большевизм, безработица, финансовый кризис, вопросы разоружения, национальный вопрос, тяжелое положение в промышленности и земледелии во многих европейских странах, России, Китае, Индии и Индо-Китае, а также другие вопросы, глубоко затрагивающие быт населения, поставленный под угрозу уровень жизни, их надежды и стремления, и поглощающие внимание всех активных людей.

Снова подчеркиваю: для того, чтобы нас слушали несмотря на наличие всех этих жгучих вопросов, к которым постоянно привлекают общественное внимание активные общественные организации и печать, мы должны говорить голосом, который не шел бы из далеких, призрачных стран, а от живых людей во плоти и крови, от людей нашего времени.

А у нас будет так много, что сказать — если мы только захотим!

Во всем, что теперь делается, проявляется грубость, жестокость, заскорузлость, безучастие к слабым и побежденным, неасытное честолюбие и бессердечная механизация, подчинение всего сильнейшему эгоистическому интересу. Происходит поистине ужасная растрата сил, приносящая все накопленное ранее и производимое человечеством теперь — в жертву Молоху Власти и Прибыли. Всех и все подгоняют, истощают и выбрасывают вон. Подготавливается обнищание грядущего человечества, которое найдет пустые шахты, истощенную почву, исчезнувшие леса, без животных и растительности, найдет людей

с расшатанными нервами, механизированные, стандартизированные мозги, истощенные заботой и принудительной конкуренцией.

Нынешний финансовый кризис в Соединенных Штатах дает некоторое предвкусение грядущих зол даже богатой Америке. В Европе же целые страны ведут такую собачью жизнь годами, без всякой надежды впереди. Если все это приведет к вспышкам социального возмущения, то заранее можно сказать, что они будут носить характер авторитарный, диктаторский, мстительный, и что к голосу и совету свободы не станут прислушиваться. Однако этот голос, если он будет соединен с гуманитарным духом, живущим в лучших представителях человечества, все-таки привлечет к себе внимание, — если повторять это в последний раз — он будет соединен с практической либертарной помощью, а не будет идти с облаков, точно предупреждение и порицание, возвещаемые ангелами.

Мы не можем осудить современное человечество и смотреть на его гибель с удовлетворением, в ожидании своей очереди, — ибо мы с ним неразрывно связаны. Дело человечества — наше собственное дело. В более здоровые времена мы сами были бы сильнее, но в нынешний век бедствий мы тоже глубоко испытываем чувство угнетенности и должны помочь создать, прежде всего, здоровую атмосферу. Эпидемия всех валит с ног, жить в отравленном воздухе никто не может. Мы должны были бы первыми видеть причиняемый вред и первыми приходить на помощь — тогда мы можем оказаться в числе первых, кого будут уважать и слушать.

Вопрос о том, является ли социализм (а следовательно и анархизм, который представляет собой самое свободное и полное понимание социализма) делом рабочего класса или делом всего человечества, все еще обсуждается, как если бы могло быть сомнение относительно ответа на этот вопрос. Прогресс здесь, впрочем, есть в смысле оценки положения и возврата от узости к реализму. Судьба человечества следует за эволюцией ее наиболее прогрессивной части, а успех этой части объясняется благоприятными условиями, в которых передовые элементы вырастают и живут. Таким же благоприятным усло-

виям люди обязаны своим тонко развитым чувством солидарности, прямотой своего характера, своим духом протеста, своей физической приспособленностью, возможностью встречаться с друзьями и группами людей с хорошими наклонностями. В других, менее благоприятных условиях, смесь социализма с духом протеста создает жесткие, авторитарные чувства, ведущие к появлению фанатиков. Настоящий прогресс создается тесным сотрудничеством наиболее развитых элементов, устраняющих фанатиков и несознательных и старающихся поднять на более высокий уровень. Все это не может быть классовым делом, а является чисто человеческим делом.

Классовые интересы, напротив, требуют сотрудничества наилучших развитых с менее и мало развитыми для немедленных результатов. Такое сотрудничество несомненно оказывает возвышающее влияние на менее развитых, но это не должно исключать сотрудничества лучших элементов человечества, безотносительно к классу. Оба типа сотрудничества поэтому необходимы для прогресса, и было бы большим вредом для настоящего социализма сужать его до рабочего вопроса.

Это заставило отвернуться от социализма такого типа всех крестьян, это отняло у социализма его универсальную гуманитарную миссию и принудило его к попыткам навязать свою волю путем диктатуры. Анархисты, с своей стороны, позволили себе разделиться на сторонников различных экономических гипотез, за исключением короткого периода в Испании в конце 80-х годов, когда гипотетический характер экономических теорий был открыто признан и анархизм без эпитета был признан наиболее правильным выражением идей каталонских анархистов тех лет, как Таррида дель Мармоль, Антонио Пеллиар Парейра, Жуан Монтесени и других. Такие мысли высказывали также Вольтерина де Клэйр, Густав Ландауэр, а также и я сам, но таких было немного. Теперь настала времена большей зрелости, чем тогда, но эти идеи все еще непопулярны среди товарищей, и то, что для одних является гипотезой, или выражением желания, то для других является символом веры, неизменным фактом, стоящим выше и вне спора. Никто не должен счи-

тать, что его симпатии к тем или иным экономическим теориям подвергаются нападению со стороны этого экономического агностицизма, но никто также не должен считать, что он один обладает настоящим экономическим определением анархизма, пока все эти теории не были испытаны на опыте. Мы также не знаем, какая из этих теорий привлечет к себе анархистов в будущем. Они будут действовать согласно фактам и общему положению, а не согласно нашим теперешним мнениям, совершенно так же, как и мы не хотим, чтобы нами руководили взгляды прошлых поколений.

Сделанными выше замечаниями я ни в малейшей степени не покушаюсь уменьшить ценность нынешней работы пропагандистов. Я только хочу выразить сожаление, что неизменный и узкий характер традиционных взглядов все более и более уменьшает достигаемые ими результаты, по мере того, как вдаль уходит то время, когда эти взгляды складывались. Если в то время эти взгляды были наилучшими, то они не могут быть одинаково хороши для нынешних и грядущих времен, — разве лишь если они представляют собой величайшие обобщения и очень отдаленные абстракции. Сверх того, после многих лет опыта мы знаем, как медленно эта пропаганда прогрессирует. Через 10, 20, 50 лет мы все еще недалеко уйдем. Мы двигаемся медленно, а современные события и ход развития идут очень быстро. Так что, или нас будут все более обгонять, или мы должны научиться, как достигать более глубоких, широких, разнообразных и прочных результатов. Выдающиеся анархисты прошлого сделали все, что могли для своего времени, а

также для нас, живущих в их тени. Теперь уже нам самим надлежит выработать те идеи, которых требует современность.

В 19-м веке были периоды либерализма и очень малого интереса к государству, потом на первый план выступил социализм, солидарность. В 20-м веке социализм не отвергают так решительно, как в 19-м, но государство все более покусается на личную и общественную свободу: отсюда анархизм, уважение и любовь к свободе должны стать главными целями пропаганды. Нет конца требованиям, предъявляемым каждым новым днем и новыми положениями, и мы это должны иметь в виду. После того, как я сказал, что мы должны приспособляться к переменам в современном положении, некоторые из тех, кто гордится неизменностью своих идей, могут подумать, что я предлагаю реформистское или ревизионистское сужение наших идей. На самом деле я предлагаю как раз обратное: их расширение, модернизацию, я настаиваю на том, что мы должны усилить и умножить нашу деятельность, так как теперешние наши успехи совершенно недостаточны и заставляют нас определенно отставать и плестись позади.

В этом духе я стараюсь усилить деятельность товарищей, читающих то, что я пишу или переводы того, что я пишу, на немецкий, еврейский, испанский, иногда также на итальянский язык. Пусть же русские товарищи рассмотрят поставленные мною вопросы и скажут свое мнение, пусть работают в предложенном направлении или же выступают со своими возражениями.

М. Неттлау.

17 Июня 1930 г.

ВОЛЬТЕРИНА ДЕ КЛЭЙР

АНАРХИЗМ И АНАРХИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Американские традиции, возникшие из религиозного бунта, в узких рамках маленьких самодовлеющих поселений и тяжелой пионерской жизни, развивались в продолжение колонизационного периода, на протяжении ста семидесяти лет, от основания Джемстоуна до Революции. Это была великая эпоха выработки конституции, время хартий, более или менее гарантировавших свободу. Смысл этих документов хорошо выразил Вильям Пенн, говоря о хартии для Пенсильвании: „Я хочу отнять и у себя, и у моих преемников возможность делать зло“.

Революция была всеобщим и внезапным осознанием этих традиций, их провозглашением во всеуслышание, ударом, нанесенным непокорной волей — враждебной силе тирании, которая никогда уже не в состоянии была оправиться от этого удара. Но с тех пор и до сего времени тирании не переставала изменять и переделывать орудия правительственной власти, те самые, которые Революция хотела преобразить и удержать для защиты свободы.

Для среднего американца наших дней Революция означает ряд сражений, в которых армии патриотов сражались с армиями Англии. Миллионы школьников в наших народных школах обучаются умению рисовать карты осады Бостона и Йорктоуна, понимать общий план разных кампаний, называть цифры сданных военноопленных. От них требуют, чтобы они называли числа, когда Вашингтон перешел Делавар по льду, чтобы они „помнили о Паоли“, повторяли „вдову Молли Старк“, называли бы генерала Вэйни „безумным Антони Вэйни“ и презирали бы Бенедикта Арнольда. Школьники знают, что Декларация Независимости была подписана 4 июля 1776 года, а Парижский договор — в 1783. Они думают, что изучили Революцию — да будет благословен Джордж Вашингтон! Они не задумываются о том, почему говорят „революция“, а не „война с англичанами“. Так ее называют, вот и все. А почитание имен у детей и у взрослых так владеет ими,

что выражение „Американская Революция“ стало священным, хотя для них оно означает всего только победу силы, тогда как слово „Революция“, выражающее более широкие возможности, стало ненавистным и пугающим призраком. И в том, и в другом случае это слово содержит для них только представление о вооруженной силе. Давно уже случилось то, что Джефферсон предвидел, когда писал:

„Дух времени может измениться и изменится. Наши правители станут развращенными, а народ безпечным. Любой фанатик может стать угнетателем, а лучшие люди — его жертвами. Надо как можно чаще повторять, что закрепление каждого существенного права на законном основании должно совершаться в такое время, когда наши правители еще честны, а мы сами — едины. После окончания этой войны мы начнем скатываться вниз. Тогда уже не будет более необходимости ежеминутно прибегать за помощью к народу. Поэтому он будет забыт, а его права будут пренебрегать. Народ будет целиком поглощен добыванием денег и навсегда перестанет думать о том, чтобы объединиться и вышить уважение к своим правам. Таким образом, цепи, оставшиеся не разорванными при окончании этой войны, будут становиться все тяжелее и тяжелее, пока наши права не оживут или не умрут в судорогах.“

Людам того времени, выражавшим дух того времени, сражения их казались малой долей Революции, мимолетными случайностями, с которыми они имели дело, как с частью игры, в которую они играли. Но цель, которую они имели в виду до, во время и после войны, была настоящая Революция — изменение политических учреждений, которое должно было превратить правительство из высшей власти, стоящей над народом с бичом в руках, в услужливого агента, ответственного, бережливого и заслуживающего доверия (однако, не настолько, чтобы не нужно было постоянно следить за ним), для выполнения задач, представляющих общий интерес, и для того, чтобы определять те границы, пе-

рейда которые свобода одного человека нарушает свободу другого человека.

Таким образом, исходной точкой их поисков правительства с наименьшей возможной властью была та же социологическая почва, на которой современный анархист строит свою безвластническую теорию, а именно: принцип, что политическим идеалом является равная свобода. Различие заключается, с одной стороны, во взгляде, что наибольшее приближение к равной для всех свободе может быть достигнуто решением большинства во всех вопросах, предполагающих единство действия (а такое правление большинства они считали возможным осуществить путем введения некоторых простых правил о выборах), а с другой стороны, в той мысли, что правление большинства и невозможно, и нежелательно; что всякое правительство, каковы бы ни были его формы, будет в руках незначительного меньшинства, как это убедительно доказало развитие штатных и федерального правительств Соед. Штатов; — что кандидаты, выставляющие свои программы перед выборами, не станут выполнять их, ставши у власти, а будут действовать по своему усмотрению; — и что если бы даже воля большинства могла быть навязана, то и тогда она была бы гибельна для свободы, которая лучше всего может быть достигнута путем предоставления добровольным союзам заведовать общественными делами, в которых они заинтересованы, не прибегая к принуждению против тех, кто в них не заинтересован или в чем-либо не согласен.

Среди основных черт сходства Революционных Республиканцев с Анархистами надо указать правило, что малое должно предшествовать великому, — что местное должно быть основой общего, — что федерация может быть свободна только в том случае, если свободны входящие в нее коммуны, — что дух этих коммун проникает в советы федерации, и местная тирания может, таким образом, стать орудием всеобщего порабощения. Убежденные в том, что главная задача состоит в удалении из муниципалитетов тиранических учреждений, наиболее ревностные защитники независимости, вместо того, чтобы сделать центром своей деятельности

генеральный конгресс, посвятили свои силы местным учреждениям. Они старались выработать в умах своих соседей и друзей — колонистов идеи наследственной собственности, государственной церкви, классового деления народа и африканского рабовладения. Хотя они во многом и потерпели неудачу, все-же именно им мы обязаны теми свободами, которые сохранились, а не центральному правительству. Они пытались развить дух местной инициативы и независимого действия. Автор Декларации Независимости, отклонивший в 1776 г. переизбрание его в конгресс, для того, чтобы вернуться в Виргинию и там работать в местном городском совете над организацией народного просвещения, которое он справедливо считал „общим делом“, заявил, что настаивает на устройстве народных школ не для того, чтобы изъять их из рук частной инициативы, которая гораздо лучше справляется с теми делами, которые ей под силу“. Стремясь разъяснить те ограничения, которым конституция подвергает права центрального правительства, он сказал: „Ограничьте задачи центрального правительства иностранными делами и отделите наши дела от дел всех других наций, за исключением торговли, в области которой купцы будут управляться тем лучше, чем большей свободой самоуправления они будут пользоваться. Центральное правительство может быть сведено к очень простой организации, стоящей недорого, так как немногие простые дела будут выполняться немногими служащими“.

Итак, в то время американская традиция считала, что частная инициатива лучше всего справляется со всеми задачами, которые ей по силам. Анархизм же считает, что частная инициатива, как личная, так и групповая, может справиться с любыми общественными задачами. Он указывает особенно два примера, просвещение и торговлю, заведение которыми взяли на себя штатные и федеральное правительства Соед. Штатов. В этих двух областях правительства сделали больше для уничтожения американской свободы и равенства, для извращения и искажения американской традиции, для превращения правительственной власти в мощные орудия угнетения, чем в каких бы то ни было

других областях, за исключением промышленности с ее непредвиденно-быстрым развитием.

Намерением революции было создать систему всеобщего образования, одним из важнейших отделов которого было бы преподавание истории, — не для того, чтобы обременять память нашей молодежи датами сражений и именами полководцев, а для того, чтобы каждый американец знал, до какого состояния был доведен народ действием некоторых учреждений, какими путями удалось добыть свободу, и как эти свободы опять и опять были отнимаемы путем применения государственной власти, подлогов и привилегий. Не для того, чтобы воспитывать беспечность, самохвальство, самодовольство, пассивность по отношению к „своему“ правительству, а для того, чтобы внушить бдительное недоверие, постоянный надзор за правителями, решимость помешать всяким попыткам их покуситься на личную свободу граждан — таково было основное намерение революционеров в их стараниях организовать народное просвещение.

„Доверие — заявили революционеры, принявшие Кентуккские Резолюции, — всегда было отцом деспотизма. Свободное правительство основано на бдительности, а не на доверии. Подозрительность, а не доверие, предписывает конституционные ограничения для обуздания тех, которым мы принуждены доверить власть. Поэтому наша конституция установила пределы, дальше которых не может идти доверие..... В вопросах власти не говорите о доверии к человеку, а удержите его от зла цепями конституции“.

Эти резолюции имели в виду главным образом принятие законов об иностранцах, которые были проведены в президентство Джона Адамса. Штат Кентукки поднял свой негодующий голос во имя отрицания за правительством права на неприкосновенную ему власть, так как, по словам резолюций, принятие этих законов означало бы „быть связанным не с нашего согласия, а против нашего согласия — то-есть, лишиться той формы управления, которую мы избрали, и жить под таким правительством, которое выводит свою власть из своей собственной воли, а не из нашего

разрешения“. Однородные, по духу, резолюции были приняты Виргинией, спустя месяц. В те времена штаты все еще считали себя верховной властью, а центральное правительство — подчиненным.

Внушить этот гордый дух верховенства народа над своими правителями и было задачей народного просвещения. Возьмите в наше время любой учебник истории и вы увидите, много-ли осталось в нем от этого духа. Напротив, с первой страницы до последней вы найдете только дешевый патриотизм, стремление внушить полную готовность одобрить все действия правительства, восхваление беспечности, покоя и доверия, — доктрину, что закон не может быть неправ, благодарность за постоянные нарушения прав штатов властью центрального правительства, позорное извращение всех революционных выступлений с целью оправдать правительство и обвинить революционеров, словесный фейерверк для прославления единения, власти и силы, и полное пренебрежение по отношению к важнейшим свободам, укрепить которые было целью революционеров. Закон против анархистов, принятый после смерти Мак-Кинлея, закон много худший, чем законы против иностранцев и против бунтов, вызвавшие в свое время негодование Кентукки и Виргинии и их угрозу восстанием, — этот закон восхваляется как мудрая предусмотрительность нашего всевидящего отца в Вашингтоне.

Таков дух организуемых правительством школ. Спросите любого ребенка, что он думает о восстании Шейса, и он ответит: „Некоторые фермеры не могли платить налогов, и Шейс повел восставших к зданию суда в Ворчестре, чтобы сжечь документы; когда Вашингтон узнал об этом, он послал сейчас же армию и проучил их“. „А чем все это кончилось?“ „Чем кончилась? Это кончилось тем, что — о, да! теперь вспоминаю — все тогда увидели, что необходимо сильное федеральное правительство для сбора налогов и уплаты долгов“. Спросите ребенка, знает-ли он о другой стороне этой истории, знает-ли он, что люди, отдавшие свое добро, свое здоровье и все силы для освобождения своей страны, оказались брошенными в тюрьму за

долги; больные, неспособные к труду, нищие, они увидели перед собой новую тиранию вместо старой. Спросите, знает-ли ребенок, что они требовали, чтобы земля стала общим свободным достоянием тех, кто желал обрабатывать ее, — и ребенок ответит: „Не знаю“. Спросите его, читал-ли он письмо Джефферсона к Мэдисону, в котором он говорит:

„Общества существуют в трех легко различимых формах. 1. Без правительств вроде наших индейцев. 2. Под властью, на которую воля каждого имеет надлежащее влияние, как, например, в малой степени в Англии, а в большой степени — в наших Штатах. 3. Под властью силы, как во всех других монархиях и в большинстве других республик. Чтобы иметь представление о бедствиях в этих последних, их надо видеть. Это — власть волков над овцами. Мне еще не ясно, не является-ли первая форма власти наилучшей. Но я считаю ее несовместимой с значительным населением. Вторая форма власти заключает в себе много хорошего.... Она имеет также свои дурные стороны, важнейшая из которых — народные волнения... Но даже это зло ведет к добру. Это зло препятствует вырождению правительства и поддерживает общественный интерес к государственным делам. Я считаю, что маленький бунт от времени до времени — хорошая вещь“.

Он же писал другому лицу: „Да не допустит господь, чтобы мы прожили двадцать лет без бунта.... Какая страна может сохранить свои свободы, если ее владыки от времени до времени не получают предупреждения, что в народе сохранился дух сопротивления? Пусть берутся за оружие.

..... Дерево свободы должно освежаться время от времени кровью патриотов и тиранов. Такова его природа“.

Спросите любого школьника, учили-ли его тому, что автор Декларации Независимости, один из величайших организаторов народной школы, сказал все это — и он посмотрит на вас с открытым ртом и недоверчивым взглядом. Спросите его, слышал-ли он когда-либо, что человек, который взял бодрую ноту в самый мрачный час кризиса, который поднял дух солдат там, где Вашингтон видел только бунт и отчаяние, что этот самый

человек написал также: „Правительство, в лучшем случае, только необходимое зло, в худшем — невыносимое зло“. Если школьник лучше осведомлен, чем большинство других детей, то он ответит: „О, в таком случае, это было осуждение!“

Таковы плоды правительственной школы. Мы анархисты, указываем на них и говорим: „Если те, кто добивается свободы, хотят, чтобы дети обучались принципам свободы, никогда не доверяйте этого дела правительству, ибо природа правительства в том, что оно становится учреждением, существующим ради себя самого, обирающим народ и обучающим тому, что помогает ему крепче сидеть на своем месте. То, что отцы говорили о правительствах Европы, то мы говорим о нашем правительстве после века с четвертью независимости: „Кровь народа стала его наследием, и те, кто жиреет на нем, не легко отдадут свою добычу“.

Народное просвещение, формирующее ум и дух народа, является, пожалуй, самым тонким и широко охватывающим механизмом, определяющим путь нации. Но торговля, имеющая дело с материальными предметами и создающая немедленные результаты, оказалась силой, раньше других сломившая бумажные преграды конституции и создала правительство согласно своим требованиям. Здесь мы приходим к точке, оглядывая с которой сто двадцать пять лет независимости, можем видеть, что упрощенное правительство, как его понимали революционные республиканцы, было заранее обречено на провал: 1) по причине сущности самого правительства, 2) сущности человеческой природы, 3) сущности торговли и промышленности.

О сущности правительства я уже сказал, что оно является вещью в себе, преследующей свои собственные интересы против всего, что ему противодействует. Все попытки сделать его иным обречены на неудачу. В этом анархисты сходятся с традиционными врагами революции, монархистами, централистами, сторонниками сильной власти, Рузвельтами сегодняшнего дня, Джейсами, Маршаллами и с тогдашним Гамильтоном, — с тем Гамильтоном, который, будучи Государственным казначеем, создал финансовую си-

стему, несчастным наследниками которой мы являемся и цель которой была двоякая: озадачить народ и сделать народные финансы непонятными для тех, кто платит налоги, а также использовать эту систему для подкупа законодателей, ибо Гамильтон считал, что человеком могут управлять только два мотива: сила или выгода. Так как вопрос о силе исключался, то он основал свою систему на выгоде, на корыстолюбии законодателей, которое должно было заставить работать группу лиц, имеющих интересы совершенно особые от интересов своих избирателей, и связанных воедино взаимным подкупом и общим желанием грабить других. Анархист согласен, что Гамильтон был логичен и понимал сущность власти. Разница лишь в том, что в то время, как сторонники сильной власти считают ее необходимой и желательной, мы приходим к противоположному выводу: **Никакого правительства.**

Что касается сущности человеческой природы, то наш национальный опыт сделал ясным, что пребывать в постоянно экзальтированном моральном состоянии несвойственно человеческой природе. Случилось то, что было предсказано: после революции мы стали катиться под гору до сего дня, нас поглощает погоня за деньгами. Стремление к материальному благосостоянию давно одержало победу над духом 1776 года. Что представлял собою дух того времени? Это был дух, воодушевлявший народ Виргинии, обеих Каролин, Массачусетса, Нью Йорка, когда они отказались ввозить товары из Англии, когда они предпочли (и твердо стояли за это) носить грубые домотканые одежды, пить напитки только собственного производства, приспособить свои аппетиты к домашним продуктам, только бы не подчиниться требованию уплаты налогов в пользу англичан. Еще при жизни революционеров этот дух ослабел. Стремление к материальному достатку, вообще говоря если брать людей в массе, всегда было сильнее стремления к свободе. Девятьсот девяносто девять женщин из тысячи более интересуются фасонами платья, чем независимостью своего пола. Девятьсот девяносто девять мужчин из тысячи предпочитают выпить кружку пива, чем интересоваться разме-

ром налога на нее. А сколько детей не отдадут свое право свободно играть за обещание нового платья или новой шляпы! Вот, что приводит к возникновению сложного общественного механизма: с умножением задач правительства умножается и его сила, и соответствующая слабость народа. Вот, что порождает равнодушие к общественным делам и облегчает развращение правительства.

Что касается сущности торговли и промышленности, то она такова: установить связи между каждой точкой земного шара и каждой другой точкой, увеличить потребности человечества и стремление к обладанию и наслаждению вещами.

В американскую традицию входила особенность штатов. Тогда говорили: мы завоевали свободу путем тяжких жертв и борьбы не на живот, а на смерть. Теперь мы хотим, чтобы нас оставили в покое и мы оставим других в покое, и пусть нашим принципам дано оудет время для испытания. Мы хотим приучиться к пользованию нашими правами, хотим быть подальше от опасности заразиться страстью к европейским парадам, зрелищам и отличиям. Так высоко ценили они отсутствие всего этого, что могли с полной искренностью писать: „Мы увидим множество примеров, когда европейцы будут приезжать в Америку, но никогда живой человек не увидит примера, чтобы американец переселился в Европу и там остался“. Увы, менее чем через сто лет высшей целью любой „Дочери Американской Революции“ стало — и остается — купить замок, титул и какого-нибудь захудалого лорда, за деньги, выжатые из американских рабов. А торговля Америки стремится к господству над миром.

В ранние дни восстания и независимости казалось, что Америке суждено быть земледельческой нацией, обменивающей сырые продукты на промышленные изделия. „Мы будем добродетельны до тех пор, пока земледелие будет нашим главным занятием, а это будет продолжаться до тех пор, пока в какой-нибудь части Америки будет еще оставаться свободная земля. Когда мы станем громоздиться друг на друга, как в Европе, мы станем развратны как Европа, станем пожирать друг друга, как это там делают“. Это мы те-

перь и делаем, в силу неотвратимого развития торговли и промышленности, а с ними и сильного правительства. Исполнилось также и другое пророчество: „Если эта обширная страна когда-нибудь будет подчинена единому правительству, она станет местом самого широкого распространения подкупности, равнодушия, ибо невозможна добросовестная опека над столь обширным пространством“. На всем земном шаре нет теперь правительства, столь бесстыдно развращенного, как правительство Соед. Штатов Америки. Есть более жестокие, более тираннические, более разрушительные, но нет столь продажного.

И однако, еще в дни пророков, даже с их согласия, была сделана первая уступка этой позднейшей тираннии. Она была сделана тогда, когда была написана Конституция, а Конституция была написана главным образом для потребностей торговли. С самого начала она была орудием купца, а земледельцы и рабочие уже тогда предчувствовали, что это орудие уничтожит их свободы. Напрасно их опасливое отношение к центральной власти заставило их включить двенадцать поправок к Конституции. Напрасно пытались они установить ограничения, которых не могла бы нарушить центральная власть. Напрасно ввели они в свод законов свободу слова, печати, собраний и петиций. Мы каждый день видим, как все это топчут ногами, начиная с первых лет XIX века, с небольшими перерывами. В наши дни любой полицейский считает себя, и не без основания, более могущественным, чем закон. Тот, кто сказал Роберту Хонтеру, что в его кулаке нечто более сильное, чем Конституция, был совершенно прав. Право собраний — вышедшая из моды Американская традиция. Ее заменила дубинка полицейского. А случилось это в силу равнодушия народа к свободе и вследствие постоянного истолковывания Конституции в духе центрального правительства.

Американская традиция говорит, что постоянная армия есть постоянная угроза свободе. В президентство Джефферсона постоянная армия была уменьшена до 3000 человек. Американская традиция требует, чтобы мы держались в стороне от внутренних дел других народов. А американская практика сос-

тоит в том, что мы вмешиваемся в дела каждого народа от Западной до Восточной Индии, от России до Японии, и для этой цели мы имеем постоянную армию почти в сто тысяч человек.

Американская традиция состоит в том, чтобы финансовые дела нации велись на основе тех же простых принципов честности, что и дела частного лица, напр., что нехорошо иметь долги, и что их надо уплачивать из первых же заработков, — что должностей и должностных лиц должно быть немного, и так далее. Американская же практика состоит в том, что центральное правительство всегда имеет миллионы долгу, и для того, чтобы их не платить, вызывает панику или войну. Что касается доходов, то в распоряжении ими на первом месте чиновники. За время пребывания у власти последней администрации было создано 99.000 новых должностей с годовым расходом в 63.000.000 долларов. Покойный Джефферсон писал: „Как будут получаться вакантные должности? За смертью — немногие, путем отставки — ни одна“. Рузвельт разрубил этот узел, создав 99.000 новых должностей. И лишь немногие умрут, и никто не подаст в отставку. У них будут дочери и сыновья, и следующему президенту придется создать новых 99.000 должностей. Поистине, центральное правительство — простая и полезная штука.

Американская традиция требует, чтобы суд уравнивал стремительность законодателей, если они будут нарушать конституционные ограничения. Американская практика требует, чтобы суд оправдывал каждый закон, ограничивающий свободы народа и сводящий к нулю каждый акт законодателя, позволяющий народу вернуть себе некоторую долю свободы.

Дальше. По словам того же Джефферсона: „Конституция — мягкий воск в руках судей, и они могут придавать ему любую форму“. В самом деле, люди, ведшие жестокую борьбу за простую, честную, свободную жизнь, если бы они имели возможность взглянуть теперь на плоды своих трудов, сказали бы то, что написал автор следующих строк: „Я сожалею, что мне приходится теперь умереть с мыслью, что бесполезное самопожертвование

поколения 1766 г. с целью добиться самоуправления и довольства для всей страны, сводится на нет недостойными и неразумными страстями их сыновей. Мое собственное утешение в том, что я умру и не буду этого видеть“.

А теперь посмотрим, что имеет анархизм сказать обо всем этом, о банкротстве республиканского строя, этой современной империи, выросшей на развалинах нашей ранней свободы. Мы говорим, что грех наших отцов состоял в том, что они не до конца верили в свободу. Они считали возможным компромисс между свободой и властью, считая власть „неизбежным злом“, но с момента, когда такой компромисс состоялся, рожденное во зле чудовище современной тирании стало расти. Орудия, предназначенные для охраны свободы, становятся хлыстом, бьющим по свободному человеку.

Анархизм говорит: не нужно никаких законов о свободе слова, тогда слово будет свободно. Как только вы заявите на бумаге, что слово свободно, тотчас явится сотня адвокатов, которые станут доказывать, что „свобода не означает злоупотребление свободой, свобода не есть распушенность“, и будут определять и вновь определять свободу, пока не покончат с ней вовсе. Пусть залогом свободы будет решимость каждого человека пользоваться ею, тогда не нужно будет бумажных заявлений. С другой стороны, до тех пор, пока народ бесприечно относится к охране свободы, те, кто желает быть тиранами, будут таковыми. Ибо тираны деятельны и усердны, и во имя любых богов, религиозных или иных, будут накладывать оковы на спящих.

Поэтому является вопрос, возможно-ли вывести людей из их равнодушия. Мы сказали, что дух свободы развился из условий колониальной жизни, — что колониальная жизнь состояла из стремления к сектантской независимости, — что обособленность пионерских коммун предоставляла каждого человека его собственным силам и, таким образом, создавала из него человека на все руки, но, в то же время, чрезвычайно укрепляла те социальные связи, которые все же существовали, — и, наконец, одним из таких условий была сравнительная простота жизни мале-

ньких коммун.

Все это почти исчезло. Что касается сектантства, то только преследования делают ту или иную секту на время интересной. Если этого нет, то секты можно назвать как угодно, только не героическими, и они имеют мало общего с именем или сущностью свободы. Старые колониальные религиозные партии понемногу стали „столпами общества“, их разногласия отмерли, особенности стерлись, все они стали одинаковыми, как две капли воды, все они строят церкви только для того, чтобы спать в них.

Что касается наших коммун, то они стали безнадежно и беспомощно зависимыми друг от друга, как и мы сами, за исключением тех немногих, которые занимаются фермерством, но и они оказываются рабами своих вкладных. Среди наших городов нет, вероятно, ни одного, который был бы снабжен продуктами более, чем на одну неделю, и уж конечно нет ни одного, который не пришел бы в отчаяние, если бы ему предложили самому производить пищу для себя. В ответ на эти условия и на соответствующую им политическую тиранию, анархизм выдвигает экономику, основанную на самоснабжении, на разделе больших коммун, на пользовании землею.

Я не собираюсь утверждать, что именно так случится, но я ясно вижу, что это должно случиться, если людям суждено вновь стать свободными. Я так убеждена, что большинство человечества свободе предпочитает материальное довольство, что у меня нет надежды на то, что оно когда бы то ни было, путем только умственных и нравственных побуждений, сбросит ярмо угнетения, наложенного современным экономическим строем, и создаст свободное общество. Я возлагаю надежду только на слепое развитие экономического строя и самого политического угнетения. Великой движущей силой в этом направлении является промышленность.

Стремление каждой нации теперь — становится все более и более промышленной нацией, вывозящей изделия, а не ввозящей. Если это направление будет следовать путем своей собственной логики, то оно должно обойти круг и вернуться к строю коммун,

производящих для самих себя. Что станет тогда с избытком производства, если у промышленника не будет иностранного рынка? Человечество станет перед дилеммой: медленно умирать среди изобилия или конфисковать продукты.

Этот вопрос отчасти стоит перед нами и теперь; и мы только опускаем руки и умираем. Я думаю, однако, что люди не всегда будут это делать. Если же они когда-нибудь преодолеют свое уважение к собственности и свой страх перед властью, они дойдут до сознания, что вещи назначены для употребления, и что, таким образом, люди важнее, чем вещи. Это может поднять дух свободы.

Если, с другой стороны, стремление упорстить машины, совместить их преимущества с менее крупными группами рабочих, также будет идти своим собственным путем, то крупные промышленные центры разобьются, население также разделится соответственно, и тогда мы увидим не ранние коммуны колонистов, с трудом поддерживающие свою жизнь и обособленные, а тысячи малых коммун, вытянувшихся по путям передвижения, производящих каждая для самой себя, зависящих только от себя и, следовательно, способных к независимой жизни.

Что касается этого омерзительного создания тираннии, постоянной армии и флота, то ясно, что до тех пор, пока у людей будет желание воевать, они будут иметь вооруженную силу в той или иной форме. Наши отцы думали, что они предупредили возможность появления постоянной армии путем организации добровольной милиции. В наши дни мы дожили до объявления этой милиции частью постоянной регулярной армии Соед. Штатов, подчиненную тем же правилам, что и регулярная армия. Следующее поколение увидит, вероятно, членов этой милиции на постоянном жаловании у центрального правительства. Так как всякое воплощение воинственного

духа, всякая военная организация неизбежно развивается по той же линии централизации, то логика анархизма говорит, что наименее вредной формой вооруженной силы является та, которая возникает добровольно и распускается тотчас после того, как минувала необходимость в ней, — что действительно желательным является такое положение, при котором все люди — а не только американцы — будут жить мирно, — и что для достижения этого все мирно настроенные люди должны отказать армии в своей поддержке и потребовать, чтобы все, кто воюет, воевали-бы за свой собственный страх и риск, — и чтобы ни плата, ни пенсии не давались тем, кто избрал братоубийство своим ремеслом.

Что касается американской традиции невмешательства, то анархизм требует, чтобы эта традиция проводилась и в жизни отдельных людей. Он не требует разделяющих людей преград, он знает, что такое отделение людей друг от друга нежелательно и невозможно, но он учит, что если все люди будут заниматься только своими делами, то возникнет гибкая общественная организация, свободно приспособляющаяся к взаимным нуждам, где весь мир будет принадлежать всем людям, поскольку каждый будет иметь нужду или желание.

И когда современная революция будет таким образом доведена до сердца всего мира — а я надеюсь, что это будет — тогда мы сможем надеяться на возрождение того гордого духа наших отцов, который ставил простое достоинство человека выше богатства и знатного происхождения и считал, что быть американцем значит больше, чем быть королем.

В тот день не будет больше ни королей, ни американцев, — будут только люди. По всему лицу земли — люди.

Вольтерина де Кляйр.

А. ХИЛКОВ.

МИР И ГРАНИ

В своей статье „Человек и среда“ я говорил об укреплении того направления в социальной литературе, которое в основе развития общественной жизни признает внутреннее, психологическое перерождение как личности, так и массы. Это направление я противопоставил другому, надеющемуся прийти к обновлению той же общественной жизни, благодаря действующим в ней (независимо от воли человека) экономическим законам, или в крайнем случае — в силу того или иного политического действия, не требующего от человека никакого предварительного психологического перерождения.

Коротко говоря, различие между этими двумя направлениями выражается в том, что первое видит творческое начало в самом человеке; в экономических же или социальных условиях его существования видит лишь ответ или наоборот тень психологической сущности некоторого социального большинства. Второе же признает источником всех социальных процессов внешнюю среду, экономические условия существования, давящие, влияющие на человека, на его податливые, пластичные рассудок и чувство и определяющие направление его развития и деятельности.

Но теперь, после такого теоретического противопоставления двух различных мировоззрений, следует, пожалуй, сказать, что в действительной жизни нет такого отчетливого размежевания между социальными течениями, между различными политическими, партийными и идеологическими группировками.

Если с одной стороны трудно встретить людей последовательно и до конца верящих в человека, как в свободного творца своей жизни, и не ставящих в той или иной мере свою деятельность и усилия в зависимость от окружающих внешних условий, то с другой стороны вряд ли возможно найти таких людей, которые последовательно и до конца возлагали бы все свои надежды и упования на действия экономических законов, на влияние, воздействие последних на человека и не тре-

бовали бы от последнего свободного, сознательного, волевого усилия для перехода к высшим формам общежития.

В действительности громадное большинство людей, к каким бы „партиями“ или вообще группировкам они себя на словах ни относили, совмещают в себе веру в плодотворность своего свободного почина с признанием своей зависимости от различных внешних обстоятельств. При этом часто случается, что человек теоретически признающий наличие в людях свободного, духовного начала, всецело подчиняется тем внешним, экономическим рамкам, в которые ввела его судьба, и наоборот — человек теоретически признающий абсолютную власть над людьми самопроизвольно развивающейся среды, постоянно бьет и разламывает ее, как тесную, невыносимую для него клетку, постоянно так или иначе ее видоизменяет, т. е. проявляет свою власть над средою, вещами.

Таким образом действительную причастность разных лиц к тому или иному из противопоставленных мною направлений определяет не теоретическое исповедование тех или иных взглядов, но дела, поступки, характер жизни, деятельности.

Как бы ни настаивали некоторые „материалисты“ и „детерминисты“ на зависимости людей от окружающих их материальных условий, все же очень легко проследить, как решительно все сторонники радикального преобразования общественной жизни при оценке представителей разных политических, идеологических течений неизменно обращают свое внимание на характер их жизни и деятельности. Чтобы прославить кого-нибудь, неизменно стараются найти в его поведении элемент героизма, отречения от личных интересов и выгоды и т. д. И наоборот — для чего-либо посрамления непременно подбирают доказательства инертности, продажности, преследования личной выгоды и т. д. „Материалисты“ делают это в ничуть не меньшей степени, чем самые последовательные „идеалисты“.

Таким образом в действительной жизни, на практике люди придерживающиеся самых различных теоретических взглядов, сходятся на признании „геронизма“, как решающего творческого начала.

Как бы философский детерминизм и материализм ни пытались обесценить роль личности, роль героической инициативы в истории человечества, инициативы пренебрегающей личной выгодой и личным интересом, все же мы видим, как иногда именно адепты материалистического символа веры доводят на практике свое преклонение перед теми или иными героями до крайнего предела, почти до обожествления, строя над останками этих героев мавзолей и создавая вокруг их памяти своего рода культ.

Итак, действительной мерой социально-го радикализма, силы и глубины различных социальных течений является не исповедование тех или иных символов веры, но практическая готовность и способность к построению, к созиданию новой жизни (как общественной, так **прежде всего** своей личной) на основе новых социальных принципов и идей. Действительные межи и грани между различными общественными типами и категориями опять-таки вовсе не проходят по линии всяких „программ“ и „платформ“, но определяют совпадением или различием в степени психологической и практической готовности к построению, к принятию, к утверждению новой жизни.

Если деление человечества по расовому, национальному признаку уже окончательно дискредитировано в глазах здравомыслящих людей, то аналогично — наиболее глубокие социологи все более и более отказываются от теоретического дробления человечества по одному лишь голому экономическому признаку. При продолжающемся (на основании этого признака) противопоставлении пролетариата буржуазии, радикально настроенные общественные деятели все чаще и чаще вынуждены вводить в свои рассуждения новое понятие-признак: а именно психологический признак „сознательности“. Как признак расовый, так и признак экономический более не признается действительной и достаточной мерой, для определения подлин-

ного достоинства того или иного лица. Для определения этого достоинства понадобилось введение признака психологического, далеко не всегда совпадающего с другими признаками, упомянутыми мною выше.

Все более открыто и последовательно признается, например, что недостаточно быть физически, экономически рабочим, „пролетарием“, но что для построения новой социальной жизни, необходимо им быть и психологически, духовно, необходимо „понутри“ своему быть трудящимся, необходимо **любить и сознательно принимать и укреплять** те начала, на которых может быть основана общая трудовая жизнь. Таким образом в установлении признака, по которому может быть проведена классификация людей, классификация отвечающая действительности, подлинным явлениям, а не отвеченным теоретическим схемам, не имеющим под собою реальной почвы, все решительно течения сходятся на практике опять-таки на утверждении психологического признака, психологической меры, далеко не всегда совпадающей с признаками и мерами материальными.

Разумеется, при общем признании психологического признака, как наиболее точной меры для определения подлинного достоинства человека остается лишь решать вопрос: кто эту меру наиболее последовательно и проникновенно признает.

Если бы только удалось эту меру последовательно и, главное, наглядно приложить к массам, то легко было бы убедиться, что подлинная близость и общность между отдельными людьми существует или может существовать вовсе не внутри пределов различных, узаконенных обычаям, традициями и „ветхозаветными“ социальными представлениями, лагерей, но часто наоборот: вне всяких подобных пределов, т. е. между людьми относящими себя сплошь и рядом к различным лагерям.

Но тут следует, конечно, оговориться, что как бы ни было иногда произвольно и ошибочно дробление человечества на разные группировки, партии и пр., как бы ни представлялись иногда абсурдными и фиктивными те признаки и меры, по которым это дробление производится, все же в общем течении жизни

и в главных своих чертах оно находит в известной степени свое оправдание и объяснение сообразно с поговоркой — „Нет дыма без огня“, коротко говоря: в общем и целом уже наметились те основные течения, между которыми (если не говорить об исключениях) вряд ли можно найти что-либо общее, что-либо такое, что позволило бы осуществлять между ними мир и единение.

Говоря о фиктивности разных дроблений, указывая на абсурдность таковых, я имел в виду по-преимуществу дробления производимые внутри некоторых главных, общих течений. Что же касается последних в целом, то, являясь как бы отражением некоторых совершенно различных психологий, они не только не могут быть приведены к миру и единению, но более того — вряд ли даже должны быть объектами подобных попыток.

И если с одной стороны желательна всемерная борьба с расколом там, где он не обусловлен никакими реальными, неустраняемыми причинами, то с другой стороны едва ли не столь же желательно настойчивое вскрытие тех противоречий, которые вдвойне пагубны, когда они скрыты и прикрыты, смазаны и замазаны, и недостаточно осознаны заинтересованными сторонами. Попытаться примирить непримиримое и согласовать несогласуемое означает лишь — бессмысленно и бесплодно мучить все человечество, лишая его реальных сил, ради неуловимых журавлей.

Вот почему даже великий учитель братства, мира, любви говорил своим ученикам: „Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение: ибо там, где пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух, и двое против трех“.

От этих общих, отвлеченных мыслей и выводов я постараюсь перейти сейчас к мыслям ближе стоящим к действительной жизни, к „практике“. Для этого перехода я воспользуюсь местом из одной статьи — „На темы жизни“ — напечатанной сравнительно не так давно в „Рассвете“. Ее автор, А. Г. Алексеев, упоминал о заметке, письме, безработного ткача, напечатанном когда-то в том же „Рассвете“, в кратких, ярких чертах говорил о трагедии современного рабочего. В заключение А. Алексеев писал в своей статье: „Как

просто эта маленькая заметка скромного ткача раскрывает сокровеннейший смысл нашей эпохи и указывает „самое главное“, чего так напрасно и мучительно ищет и никак найти не может наша интеллигенция — Бердяевы, Изгосы, Булгаковы, Франки и прочие старые и новые „вехисты“. Все они презрительно поджимают губы, когда мы упрощенным порядком делим людей на „своих“ и „чужих“. Свои — это те, кто против общественного порядка, порождающего эти бесчисленные и невидимые миру драмы маленьких людей. Чужие — все прочие. Нам доказывают, что такое деление узость. Нет, это — единственно правильная оценка людей. Кто может мириться с нынешним общественным порядком, тот — человек третьего сорта“.

Да, в применении ко всем тем вопросам, которые в наш век волнуют все человечество, то разделение „дома“, та борьба „двух против трех и трех против двух“, о которой говорилось на заре нашей эры, должна выразиться в том, чтобы все люди, чья совесть более не мирится с „невидимыми драмами маленьких людей“, о которых писал Алексеев, решительно, мужественно, открыто и до конца противопоставили бы свое чувство, свой разум, свою волю преступным усилиям тех, кто всеми силами отстаивает социальный порядок, эти драмы, преступления и безобразия вмещающий и узаконяющий.

Могут ли быть найдены причины, — веские, уважительные причины, — ради которых это противопоставление двух в корне различных, в корне непримиримых миросозерцаний и жизненных установок может быть ослаблено и смазано? Я думаю, что нет.

Ведь даже любовь к врагу, к врагу неведущему, что творит, не устранила когда-то рокового, неизбежного столкновения носителя, выразителя этой любви с другими людьми принадлежавшими к другой психологической „породе“. Да невозможно, абсурдно, нежизненно говорить о стирании таких граней, где вся душа человеческая закипает возмущением, где даже та рука, которая протянулась к миру для того лишь, чтобы спасти заблудших, в гневе схватилась за бич, где даже те уста, которые прощали своих мучителей, с негодованием воскликнули: — „Да

придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле...“.

Нет, есть грани нестираемые, неустрашимые в настоящем: и их преодоление в будущем может быть достигнуто не скрыванием болезни, поразившей человечество, под разными тряпками и уборами, но смелым указанием на нее, открытой борьбой с нею.

Но болезнь сильна, глубока. Для победы над нею, необходимо крайнее напряжение всех сил, всех здоровых сил организма. И по тому не должно быть бесполезного, бессмысленного дробления этих сил, их вражды между собою. Сколько горьких слов было уже сказано и написано по поводу раскола, поразившего освободительное движение, рабочее движение во всех странах. Возможно ли отрицать то огромное зло, которое причиняет этому движению раздражающая его внутренняя борьба? “Внутрисемейная” борьба эта, рождающаяся иногда из-за каких-то неумолимых, таинственных призраков, из-за отстаивания всяких священных формул и догматов, или, наконец, из-за какого-нибудь “гу сака” (ради которого и гоголевские Иван Иванович и Иван Никифорович когда-то поссорились), едва ли не делается сплошь и рядом более острой и сокрушительной, чем борьба с общим врагом, с теми, кто стоит за гранью...

Устранение этой внутренней борьбы, конечно, вовсе не требует того, чтобы всех „стригли под одну гребенку“, чтобы всех „рядили в один мундир“ и всех обязывали к покорному исповедованию какого-нибудь зафиксированного единым верховным непогрешимым авторитетом, символа веры. Устранение междоусобицы в рядах ратующих за достижение царства социальной справедливости всего этого, конечно, совсем не требует. Стремление к единой, верховной цели у различных лиц при искренности, непосредственности и глубине их порыва, совершенно неизбежно должно выразиться и во многих своеобразных особенностях, соответствующих индивидуальной природе, способностям и развитию каждого индивида. Лишь отказом от искренности и глубины своего порыва может достигаться полное единообразие в коллективном движении масс. Но такое единообразие,

понятно, вместо того, чтобы усиливать общее стремление лишь вводит в него кладбищенский мир и покой, лишь мертвит его.

Надо отказаться поэтому от желания увидеть всех искренних друзей новой жизни объединенными в единое стадо, где невозможно было бы отличить одну овцу от другой. Надо отказаться от веры в возможность и даже надобность единой, исключаящей всякое инакомыслие и включающей всякое „правомыслие“ „церкви“, партии, организации. Надо признать, что установление некоторых общечеловеческих принципов, принципов равенства, братства, свободы, не только не обезличивает личность, но наоборот — является самой благодатной почвой для полного и при том в каждом данном случае своеобразного ее расцвета.

Но в то же время надо признать и то, что этот расцвет личности никак не может, не должен ее приводить к враждебному столкновению, соперничеству с другими личностями — сестрами, к столбованию, в котором гибнут, разбиваются, ниспровергаются и отрицаются как раз те общие основания, на которых все эти личности должны получить одинаковую и наиболее полную возможность развиваться.

Но как предотвратить междоусобицу между родственными течениями, не посягая в то же время на „автономию“ каждой из них, „автономию“ естественно вытекающую из общего признания принципов равенства и свободы? — Единство в многообразии может быть достигнуто лишь при уяснении общей, верховной цели, при настойчивом, активном стремлении добиваться все более и более полного и совершенного ее достижения. При наличии такого стремления, при наличии искреннего усилия строить на деле нечто лучшее своей собственной жизнью, каждая „автономная“ группа, сохраняя во многих отношениях свое собственное лицо, неизбежно проявит себя однородным с другими образом.

Действительный искренний отказ от участия в несправедливостях, терзающих человечество, искреннее усилие построить свою жизнь, свои отношения с окружающими людьми на иных основаниях непременно приведет

бы к тому, что очень многие враждующие между собою „самаряне“ и „иудеи“ встретились бы на общей дороге и пошли бы по ней рука об руку. Вражда современных „самарян“ и „иудеев“, „иудеев“ и „язычников“, „скифов“ и „варваров“, не имея под собою реальных, разумных оснований, тем не менее не прекращается и делает свое опустошительное, злое дело вследствие упорного, слепого отставания многими враждующими сторонами не того, что в действительности является главным, наиболее существенным и при том общим для всех сторон вообще и для каждой из них в частности, но того, что является наиболее спорным, неопределенным, неясным, второстепенным, а иногда прямо-таки ненужным и вредным.

Ревнители абсолютного благочестия, „православия“ и „правомыслия“ обрушиваются силою и рядом всеми силами на своих же ближайших соседей, нарушивших какой-либо догмат или обряд, и в то же время проявляют удивительное безразличие и удивительную снисходительность к тем, кто уже не отдельные какие-либо догматы и обряды нарушает, но на деле уже совершенно отказывается в своей жизни от тех принципов, которые в своей совокупности образуют намеренный когда-то идеал.

Очень часто случается так, что там, где действительно нужны снисходительность и терпимость, где за целым рядом недостатков и прегрешений вольных и невольных все же имеется некоторая бесспорная положительная основа, — искренний, иногда буйный порыв к правде, — там требовательность блюстителей догматической чистоты и каноничности достигает своего максимального предела, при чем те „мытари“, „грешники“ и „блудницы“, которые во все времена вызвали осуждение фарисеев и книжников, и в наше время снова забрасываются камнями и приговораются к позорному столбу. И в то же время, наряду с этой требовательностью к „грешникам“, постоянно приходится видеть у людей даже наиболее искусственных самое снисходительное и даже благожелательное отношение к тем внешним, белым покровам, которые скрывают самую ужасную скверну и нечистоту.

Люди до сих пор то и дело дают себя обма-

ывать показной стороной — „порядок“, внешняя чистота, опрятность, изысканность манер — все это очаровывает, подкупает и... в конце концов примиряет с тем основным злом, которое всем этим „порядком“ и чистотой облекается и прикрашивается. Внешняя же грубость, необработанность, отсутствие изящества часто пугает и отталкивает людей, не позволяет им спокойно заглянуть поглубже и вникнуть в суть дела. Вот почему так часто даже протесты против неправды буржуазного порядка и его защитников носят характер каких-то мертвых, неискренних слов, ни к чему не обязывающих и ничего не меняющих. Тогда как сквозь словесные приветствия посылаемые грядущему преображению общественной жизни на каждом шагу проглядывает враждебность ко всему, что хотя быть может и является началом осуществления этого „грядущего“, „будущего“, но... о, ужас! — не удовлетворяет уставным требованиям благочестия, благолепия, внешней аккуратности и чистоты.

Увы, очень часто случается, что те, кто наконец решается отмахнуться от этих требований, кто под корявой внешностью наконец осмеливается признать ценное внутренне содержание, кто наконец садится за один стол с „мытарями“ и „грешниками“ и с ними начинает „есть и пить“, тот навлекает на себя гром и молнию, упреки и обвинения в дружбе с теми, с кем подлинным „детям Авраамовым“ не полагается иметь никакого общего дела.

А между тем нужно ли настаивать на том, что если принятие национальных и даже экомических признаков в качестве мер, определяющих достоинство человека, все более и более выявляет свою несостоятельность, то тем паче не выдерживает никакой критики попытка принять, в качестве таких мер, внешнее благообразие человеческой жизни... Фарисей, хваставшийся соблюдением закона, соблюдением всех правил добропорядочной жизни, фарисей думавший, что не убивая, не крадя, не прелюбодействуя и даже отдавая десятую часть своих доходов (кстати, интересно было бы знать — многие ли фарисеи нашего времени решаются на такую щедрость ???...), он приближается к полному соверше-

нству, этот фарисей давно уже получил свою правильную оценку, суровую оценку — осуждение. Мытарь же, блудница, разбойник на кресте были нелицемерным судом, проникающим в душу, оправданы.

Мировая буржуазия напрягает теперь все свои силы на спасение и укрепление капиталистического строя. В борьбе за сохранение своих привилегий она пользуется решительно всеми средствами; и одним из ее излюбленнейших средств являются уверения в любви и в уважении к идеям и принципам, вдохновлявшим всегда всех искренних борцов освободительного движения. Только наиболее неуклюжие, неловкие и неумеренные враги этого движения, так называемые крайние “правые”, откровенно рубят с плеча по этим принципам (при чем рикошеты от их ударов их же самих бьют в твердый лоб!!); но те кто поумнее, похитрее и половчее избирают более осторожные, замаскированные формы борьбы, придумывая для этого разные “тактики”.

Более осторожная и ловкая часть буржуазии дает теперь лобзание всему тому, что в прошлом делалось для освобождения народа: она читит на словах многих борцов и пророков прошлого и строит им (опять-таки на словах) пышные памятники и гробницы. Она даже объявляет себя законной наследницей и преемницей этих пророков. Как книжники и фарисеи когда-то сели на седалище Моисеево и взяли в свои руки ключи разума, так и “демократическая” часть буржуазии стремится теперь поставить и утвердить себя в положении пастыря, ведущего “невежественный народ” к вратам царствия, ключи от которого она, — и только она, — приняла в свои руки.

Но для всякого, имеющего глаза и уши, легко увидеть и понять, что если буржуазия и овладевает ключами разума, ключами царствия, то вовсе не затем, чтобы открывать заветные врата, но наоборот — чтобы, зажав ключи крепче в своем кулаке, не дать этим вратам открыться. И если она и строит пышные гробницы пророкам прошлого, искренним борцам за лучшие человеческие идеалы, то, как уже кто-то заметил, только из радости, что этих пророков нет сейчас в живых, что они как следует придавлены гробовой пли-

той, под которую они с радостью положили бы и тех, кто еще борется в настоящем. Достаточно сравнить героическую жизнь тех, кто в прошлом боролся за осуществление лучших стремлений человечества, с жизнью тех, кто сейчас кидит вокруг их гробниц, чтобы сразу же увидеть, постигнуть всю фальшь последних. Грубая фальшь или праздная болтовня, игра словами, намазывание революционной или гуманитарной горчицы на своего буржуазного рылчика. Дальше красивых слов “демократизм” буржуазия не идет; там же где наконец кончаются слова и начинаются дела, начинается тот пресловутый “активизм”, в котором уже без всякого труда можно узнать чистой воды фашизм, стремящийся снова восстановить во всей их полноте привилегии одних и рабство других.

Все это необходимо учитывать при установлении правильных мер и границ в жизни нынешнего общества. И если в заключение поставить вопрос — какой же следует сделать вывод из всего вышесказанного, то правильным выводом придется, мне кажется, признать следующее: при оценке людей, их социальной деятельности не следует основываться на исповедовании ими различных теорий, общих учений, тех или иных социальных догматов: не следует также делать слишком поспешных выводов из того, что те или иные лица принадлежат к тому или иному “классу” (например, к рабочему классу) — необходимо наоборот поглубже вникнуть в психологию данных лиц или групп, в их подлинные стремления, в характер этих стремлений, проявляющих себя теми или иными актами, усилиями, деятельностью. Но опять-таки не следует судить об этих актах, усилиях, сличном поверхностным образом — по их внешнему, например, благолепию, изяществу или наоборот — грубости. Судить следует по тем внутренним, глубоким мотивам, которые находятся в их основе. И если, например, данные лица или группы проявят искреннее стремление, искреннюю готовность к новой жизни на трудовых, коллективных началах, то эти лица и группы можно признать действительными преемниками тех, кто в прошлом создавал освободительное движение. И если с другой стороны другие лица и группы после всяких красивых слов в критичес-

Н. А. РУБАКИН.

ИСКАТЕЛИ ИСТИНЫ: МАТЕРИАЛИСТЫ И ИДЕАЛИСТЫ

Статья II

Из словесного болота к наиболее полному познанию того, что есть.

В предыдущей статье шла речь о том словесном болоте, в котором вязнет современное человечество. В этой статье пойдет речь о выходе из этого болота и о дальнейших исканиях истины.

II. В течение целых тысячелетий люди привыкали к словам (понятиям) „душа“ и „материя“, и строили свои проекции (мнения), приписывая их внешнему миру, т. е. переносили эти свои понятия, существующие в их мире внутреннем, в мир внешний, и были уверены, что „душа“ и „материя“ существуют в природе, и та и другая сами по себе. При этом постоянно упускалось из виду, до какой степени ошибочно судить о реальности на основании таких проекций слов-понятий.

В течение тоже тысячелетий, эти человеческие проекции слов облекались и ныне облекаются в одежду человеческих чувств,

кий момент, в решительный момент изборот скажутся от принятия такой трудовой жизни на коллективных началах, то необходимо отвести их (к какой бы партии, организации или классу они ни принадлежали) к союзникам той мировой бржуазии, которая не хочет сдавать своих позиций и готова беспощадно раздавить в ближайшем будущем даже всех тех, с кем она в данный момент еще „демократически“ заигрывает.

И тот, наконец, человек, кто искренно стремится к раскрепощению всех народов, и кто видит созданную объединившейся международной бржуазией угрозу освободительному движению, тот признает одной из главных своих обязанностей — борьбу с рознью и междоусобицей, работу на объединение и сплочение в среде всех тех, кто, хотя бы и расходясь в частных, в спорном, во второстепенном, все же сохраняет верность лучшим, главным, основным заветам прошлого.

А. Хилков.

инстинктов, стремлений и др. иррациональных переживаний, то приятных человеку, то неприятных ему, то добрых, то злых, то увлекательных, то отталкивающих, и т. д. И эти облекания делались и делаются людьми относительно всякого слова-понятия, всякой проекции, начиная от самых конкретных и кончая самыми отвлеченными, абстрактными, по всей лестнице обобщений.

Разумеется, иррациональными переживаниями истина постоянно и всюду искажается, беспристрастный ум удаляется от нее и то, „что есть“ все более и более превращается в то, „что кажется“. Это понял еще триста лет тому назад знаменитый английский ученый Франциск Бэкон (1561-1626 гг.). Он писал в своем замечательном труде, классическом „Новый органон“: 1) „ум должен изображать природу (реальность, действительность), и только ее одну, не идеализируя и не умаляя. Ум не должен рисовать ее по собственному усмотрению, т. е. не заботясь о фактах. Такое самодельное изображение реальности ведь не из природы взято, а предвзято, поэтому оно будет ничтожным и пустым.

Таким представлением Бэкон дал название идолов, потому что всякий идол есть не иное что как создание верующих в него: идол это проекция их Я. Идолы, как ложные понятия, осаждают человеческий ум и до какой степени завладевают им, что не только затрудняют доступ для истины, но вкрадываются и в ум, даже открытый для истины, если только мы не будем остерегаться их и сами не вооружимся против предрассудков идолов.

И вот Бэкон сказал совершенно правильно и метко: „Не ставьте таких идолов на место того, что действительно существует! Долой всякие идолы, всякие предвзятые понятия“.

А таких идолов много, очень много, и их до сих пор признает большинство людей, принимая свои заблуждения за реальность.

Есть заблуждения случайные и не-слу-

чайные, прирожденные. Иные созданы той общественной средой, в которой живет человек, его расой, племенем, историей, увлекающей нас в своем потоке. Идолы подобны блуждающим огням, которые должны знать путник, чтобы избежать их. Будем же остерегаться обманчивых образов, обманчивых рассуждений.

Но еще глубже Бэкона вник в самую суть человеческих заблуждений столь же знаменитый английский мыслитель Герберт Спенсер, в своем капитальном труде „Изучение социологии“. Спенсер разобрал в этой книге 2) все главнейшие причины, внутренние и внешние, всех главнейших заблуждений ума и чувства, — все чем искажаются искреннейшие искания истины. Спенсер же выяснял и выяснил разного рода заблуждения, зависящие и от недостатков воспитания, и от сословных и национальных предразсудков, (напр., патриотизма), и от политических и партийных воззрений, и от верований, от церковности, от религии и т. д. Эту замечательную книгу Герберта Спенсера должен прочесть и знать каждый мало-мальский образованный человек. В ней Спенсер превосходно вскрывает все те препятствия, которые зависят от иррациональных причин и которые встречаются на каждом шагу по пути к истине. Ведь все мы рабы чувств и инстинктов, невежества и заблуждений, суеверий и предрассудков, привычек и дрессировки, вольного и невольного рабства, обязательного и не обязательного уподобления нашего окружающей среды и усвоения из нее того, чем эта последняя уж никак не может похвастаться, в том числе и стадности, и пошлости, и тупоумия, жадности, и жестокости и т. п. противообщественных свойств. Но ведь их то мы и приписываем то „душе“, то „материи“, то „законам природы“, то „самой природе“, то „внешнему“, то „внутреннему миру“, то „жизни“, то „Богу“, то „черту“. А не приписываем мы всей этой трухи только самим себе и нашему неумению строить в своем Я действительно правильные проекции, соответствующие наиболее точно, предельно точно познаваемой реальности, ей, а не подвохам нашего „тела“ или „духа“.

III. Переходим теперь к третьему этапу.

В каждом вопросе, как и в каждом факте, всегда имеются качества трех сортов: 1. Качества не познаваемые, т. е. недоступные человеческому уму при том устройстве мозга и вообще тела, каким ныне обладает человек, хотя бы и самый одаренный от рождения и самый ученый из ученых. Непознаваемое остается до тех пор непознаваемым при таком устройстве мозга, пока не переменится это самое устройство его. Но когда оно действительно переделается общим ходом развития (эволюции), тогда, быть может, и дважды два не будет равняться четырем для человеческого ума.

2) Качества познаваемые, но еще не познанные. Кто не знает, что далеко не вся Вселенная уже исследована, изучена и познана человеческим умом? Много непознанного имеется до сих пор и вокруг нас, и в нас, и в прошлом, и в настоящем, уж не говоря о будущем. Лишь величайшие невежды способны думать, что современная наука уже „дошла до всего самого главного“, что все самое „самое главное“ уже узвано и понято основательно. Лучший способ отличить дурака и невежду от действительно честно и глубоко мыслящего человека, заключается в том, чтобы выяснить, считает ли себя этот человек всезнайкой и все-понимайкой, а свое, быть может, случайно усвоенное мировоззрение, принимает ли за „единственно истинное“. Умный, мыслящий человек скажет, что непознанного еще очень много всюду и везде.

3) Качества познанные. Должно считать познанным только то, что познано научно, т. е. не иначе как при помощи научных методов, как наиболее достоверных и наиболее точных. Надо различать науку и научное понимание от так наз. „здорового смысла“, потому что здравый смысл судит главным образом на основании догадок и по глазомеру, которые нередко оказываются ошибочными, тогда как настоящая наука тщательнейшим образом все рассматривает, все изучает, измеряет, объясняет, всякое объяснение проверяет, а считает его приемлемым лишь до поры до времени, пока не отыщется и не будет проверено какое-нибудь другое объяснение, еще более точное, еще более ясное,

еще более приемлемое. В том-то и дело, что для людей науки нет и не может быть истины без проверки, а истина не вполне точная еще не есть полная истина. А точность — это тоже что выяснение не только качественной, но и количественной стороны всякого факта. Количество — это значит ответ на вопрос: „сколько?“ в отличие от качества, которое представляет собою ответ на вопрос: „каково?“

Обыкновенно люди весьма плохо различают то, что действительно познано и доказано, от того, что еще далеко не познано и не доказано.

Настоящий ученый тем и отличается от ненастоящего, что он в одну кучу не валит непознаваемое, непознанное и познанное. Обыкновенные же люди даже и не вникают в очень существенную разницу между этими тремя сортами человеческих знаний. Но даже и среди философов всех времен и народов имеется великое множество таких, которые рассуждают о непознаваемом, словно о чем-то таком, что им уже известно и переизвестно. Лучшим примером этого могут служить некоторые философские рассуждения о Боге, о сущности вещей, и т. п. Тысячи философских и религиозных книг содержат подробнейшие описания Бога: он и такой, и этак и, у него такие-то свойства, и т. д., словно Бог — близкий знакомый таких мыслителей. Эти мыслители даже не замечают, что они рассуждают вовсе не о Боге, и не о сущностях, а о своих собственных словах: ведь о непознаваемом нельзя сказать **ровно ничего**, по той простой причине, что оно — непознаваемо. Нельзя, по тому же самому, определить и никаких качеств непознаваемого: ведь уж если узнаешь хоть одно из его качеств, то ведь непознаваемое, только в силу этого, окажется уже познаваемым, хоть бы отчасти. Что значит непознаваемое — всего лучше можно понять на таком примере:

Вот лежит кусок дерева, т. е. вещественный материальный предмет. Смотрят на этот кусок дерева разные животные, тела и глаза которых устроены очень различно. Пусть это будут: улитка, (напр. речная ракушка), муха, сова, рак и человек. У улитки вовсе не бывает глаз, — вместо этого у нее лишь

чувствительные точки в коже, ощущающие свет. Глаз у мухи состоит из нескольких сот маленьких глазков, сросшихся вместе. Глаза у рака устроены тоже по особому. Сова хорошо видит только ночью, а не днем. Человек тоже видит вокруг себя по разному, это смотря по здоровью и состоянию его глаз: близорукий видит не так, как дальновзоркий, больной дальтонизмом не так, как человек нормальный, со здоровыми глазами. Человек близорукий не способен напр. рассмотреть кусок дерева во всех таких подробностях какие заметны для человека с отличными глазами. Человеку, больному дальтонизмом, зеленое дерево кажется красным. Что и как мы видим, — все это зависит от устройства органов чувств. Напр., кусок дерева, холодный на ощупь для человека, покажется улитке теплым, потому что она сама холодная. Человеку этот кусок дерева кажется маленьким, потому что сам человек большей величины. А улитке тот же кусок покажется вроде как горой, когда она сама гораздо меньше него. У кого плохая память, тому все его прошлое кажется не таким, как тому, у кого память хороша. А тем животным, у которых вовсе нет памяти, напр., животным простым и простейшим, для тех вовсе не существует прошлого времени. Человеку, который очень способен сердиться, все другие существа кажутся не такими как человеку доброму. Каково устройство органов чувств, а также и мозга, и всего тела, таковы и чувства (слух, обоняние, зрение, вкус и т. д.). А таковы чувства, таким кажется и внешний мир или факты, из каких мир только и состоит.

Но вот вопрос: да каков же он на самом деле-то, независимо от того, кто бы на него ни смотрел? Вот это-то и неизвестно, потому что каждое существо способно ведь судить о внешнем мире не иначе как на основании своих собственных органов чувств и своих собственных внутренних переживаний. Ведь из самого себя никакое существо не может выскочить, от себя отрешиться. А, в таком случае, никакое существо неспособно и знать ни одного предмета таким самым, каким он существует **независимо** от таких-то органов чувств такого-то живого существа. Значит,

выходит так: всякое живое существо никогда не знает самой сущности предмета, перед ним стоящего, — оно способно знать только действия этого предмета на органы чувств этого существа. Также самое приходится сказать и о всех тех переменах, которые постоянно происходят со всеми существующими предметами, о явлениях природы, о событиях. А так как вся Вселенная состоит из предметов, явлений и событий, значит, никакое живое существо неспособно знать о самой сущности Вселенной, ни о сущности всех ее составных частей, как самых больших, так и самых маленьких, как бывших, так и настоящих. Также и о сущности явлений не может знать никакое живое существо.

А из всего того, что сказано, вот что следует: во всяком предмете, какой бы ни стоял перед нами, есть кое-что непознаваемое, как для нас, так и для всех. Оно имеется во всем, что бы мы ни разглядывали, и о чем бы мы ни мыслили, и чего бы мы ни чувствовали: наши знания и наше понимание всего того, что нас окружает в действительности, всегда бывают неполными, несовершенными, знаниями "не по существу", а выражаются все наши знания и понимания не иначе как в виде наших собственных ощущений, умственных картин (внутренних образов), понятий, мыслей, чувств, хотений и т. д. Мы знаем и сознаем только то, что наши ощущения приносят нам из внешнего и внутреннего мира, т. е. наши переживания. Но не больше. Никак не больше. Все это мы на свой, человеческий лад перерабатываем в своем уме, в своем Я, и из этого-то и строим всякие наши идеи и мировоззрения. Каждый человек строит их по своему, на свой лад, — это смотря по тому, каков он сам.

Но что же такое переживания? Они вовсе не объект, — т. е. вовсе не то, что стоит перед нами и на что мы смотрим или о чем думаем. Наши внутренние переживания — это тоже, что субъект, т. е. внутренний мир чувствующего и мыслящего живого существа. Переживания наши не самая суть того, что существует в действительности, а только то, что нам кажется в силу такого-то устройства нашего тела, мозга, ума. Но вот все это мы, люди, волей неволей, и приписываем объек-

ту, а не себе самим, не субъекту. Надо понять раз навсегда: сущность всего сущего не познаваема для людей, а познаваема только действия, влияния этой неведомой сущности на наши органы тела, на наше Я.

Самая сущность всего чувствующего скрывается так сказать, за пеленой или за стеной наших чувств и ощущений.

Но как же быть в таком случае с нашими стремлениями к наиболее полной истине, уж если не к самой полной, то хотя бы к наиболее полной?

Прежде всего мы, люди, должны признать наличие какого-то предела для нашего познания. Т. е. границы, проходящей между областью непознаваемого и областью познаваемого. Надо еще признать, что эта граница зависит не иначе как от устройства нашего тела. Еще не надо забывать, что устройство тела всех живных существ постоянно, хотя и очень постепенно и потому незаметно, изменяется из поколения в поколение, а, значит, переделывается самой природой: иначе сказать, потемки постепенно становятся все менее и менее похожими на своих собственных предков, как это и выяснил еще Дарвин. Значит, и непознаваемое становится постепенно познаваемым. Но это делается с великой медленностью, — в течение сотен тысяч и миллионов лет, а в каждый отдельный момент всегда существует во Вселенной кое-что непознаваемое для нас и лишь кое-что познаваемое.

Но и область Познаваемого делится на две под-области: во-первых, область того, что уже познано, и область того, что еще не познано.

Многое из того, что иными людьми теперь считается уже познанным, на самом-то деле еще далеко не познано. Так напр., даже величина и форма нашей планеты земли еще с полной точностью неизвестна. Двести лет тому назад никто и не подозревал о существовании электрических волн, с помощью которых ныне действует радио.

Они были тогда еще не познаны. Никто тогда не знал даже и электрического тока, который нам теперь светит, нас греет, нас возит в трамваях и т. д.

А чего мы еще не знаем, то кажется нам

вовсе не существующим. А не существующее тоже, что ноль, не-бытие, ничто. И сколько-сколько существует такого и теперь, даже около самого нашего носа, что для нас и ныне кажется вовсе не существующим.

Не легко приняться за исследование какого-нибудь такого „ничто“. Но даже очень легко, и даже, разумеется, необходимо понять ясно-ясно, что только глубокий невежда может верить во всезнайство современной ему науки, в ее все-понимайство, и во всеобъясняйство усвоенных им каких-нибудь философских учений, в действительности еще не вполне доказанных: только глубокий невежда может безгранично верить в теории, появляющиеся то здесь, то там, словно грибы, и, в огромном большинстве случаев, не вполне проверенные, в идеи, составленные, по prostu сказать, из общих, не очень-то ясных слов. Будем относиться ко всему этому поосторожнее. Ведь наиболее полные знания как внутреннего, так и внешнего мира для нас, людей, якобы образованных, еще вне-редки. Даже очень впереди. К такому знанию надо, разумеется, идти, и идти, но вот вопрос: можно ли до него **дойти**? Кто дерзает когда-нибудь сказать: „а я то вот и дошел до него!“?

А вот это-то и дерзают говорить иные из материалистов и иные из идеалистов.

На основании вышесказанного, всех кто так говорит, нельзя не считать глубоко ошибающимися. А кто понял все то, о чем шла речь выше, поймет еще и вот что: ни материалисты, ни идеалисты еще вовсе не дошли в настоящее время до наиболее полной истины, нам, людям, доступной.

Увы, история как наука, так и философия яснее ясного свидетельствует: никто, никогда и нигде, и никак еще не дошел до полной истины; вполне проверенной и потому точной. И никто и никогда не должен быть **уверен** в том, что он уже дошел. А идеалисты, и материалисты вот что проделывают: они распространяют на **всю Вселенную** такие истины, которые соответствуют вовсе не всем фактам, а лишь **некоторым**, а именно тем, которые этим мыслителям известны и которые ими подобраны-сознательно или бессознательно в подтверждение их взглядов. Материалист, изучая вещество, материю ищет

ее же свойств и качеств и в явлениях нематериальных, психических, а потому и объясняет психику, „дух“, „душу“ материальными причинами. А идеалист, изучая те же материальные явления, старается объяснить их психическими причинами и подвести их под свою такую мерку и оценку.

И оба они, как материалист, так и идеалист отбрасывают или не замечают того, что к их мерке не **подходит**. И оба принимают знакомую им часть за всю Вселенную и даже за самую суть Вселенной.

И правда, что такое идеализм? Он представляет собой цельное мировоззрение, как будто бы даже очень стройное и обоснованное, и сложившееся в систематическую теорию, и вот идеалист всячески старается доказать, что источник всякого бытия самая, суть Вселенной, есть бытие **духовное**, — дух, а не материя. Это и есть идеализм, как о том уже было сказано выше. А что такое материализм? Он представляет собой тоже систему или целостное мировоззрение и считается самой сущностью Вселенной не иное что как материя, **вещество**.

И материалист, и идеалист стараются приурочить сущность **бытия вообще**, сущность Вселенной, к тому, что **им кажется** самой основой всего существующего. Так они и стараются познать и объяснить всю Вселенную. И это не дожидаясь дальнейших успехов действительно точного и достоверного знания. Но увы! как идеализм, так и материализм до сих пор представляют собой мировоззрения еще далеко не **полные**, — **односторонние**, еще не вполне доказанные, пока что. Но настоящий человек науки не желает тратить ни сил, ни времени на исследования непознаваемых сущностей, как „единственных основ“, потому что ведь такие исследования могут быть только **словесными**. Рассуждениями о непознаваемом занимаются лишь философы **метафизики**. Греческое слово „метафизик“ значит по-русски „то, что по ту сторону природы“ или „по ту сторону всего физического“. Значит, всякий идеалист, как и всякий материалист представляет собой не **настоящих ученых**, а лишь **метафизиков**: и идеализм, и материализм — оба эти мировоззрения суть философские теории метафизические.

И идеалист, и материалист, люди хотя бы даже искренне считающие себя за полных и убежденных мыслителей своего направления, обыкновенно уверены, что в их головах гнездится наиболее полное, если уж не самое полное понимание истины. Материалист утверждает самым решительным образом: в основе Вселенной лежит именно вещество, несомненно вещество, во всяком случае вещество, а значит оно же и в основе того, что нам *кажется* „душою“, тогда как никакой души нет, не было и быть не может: эта воображаемая нами душа образуется в теле, благодаря телу, в силу совершающихся в нем различных жизненных процессов (явлений): а эти процессы мы чувствуем как наши непосредственные, психические, душевные, субъективные, внутренние переживания; значит, в основе „души“ лежит материя, ее работа, ее энергия, — энергия электронов, атомов, молекул, тел и т. д.

Идеалисты возражают на это: вы материалисты, говоря так, глубоко ошибаетесь. Ведь то, что еще не познано, не изучено, не расследовано, не объяснено как следует, вы уже выдаете за что-то вам известное. Но ведь вы не объясняете этим ни себе самим, ни другим людям самого главного и самого основного: каким же это способом материя начинает *ощущать самое себя*, свое собственное существование (бытие)? Ведь движение атома еще не есть *сознание* этого движения самим атомом. Объясните же нам, идеалистам, откуда берется и как появилось это сознание, этот внутренний (субъективный) мир рядом с миром внешним (объективным)? Какой ученый или философ объяснили это появление субъективности с полной точностью и достоверностью? Да ровно никакой! Разных догадок много, даже очень много. А вот **разгадок вполне доказанных**, — до сих пор нет и нет. Слова еще не значат догадки. Не лучше ли уж погодить до тех пор, пока не отыщутся действительно настоящие разгадки, да когда все они будут проверены на фактах и выдержат всякую критику?

Материалисты, в свою очередь, возражают идеалистам: ваши объяснения Вселенной уже совсем не выдерживают критики. Вы ставите нам в вину то, что мы не в силах

еще объяснить духовных явлений явлениями материальными. А вы-то сами разве в силах объяснить психические явления? Вы говорите, что нельзя распространять на весь мир то, что узнано о материи. А что вы сами знаете о духе? И насколько же точны и достоверны это ваши знания? Вы, идеалисты, говорите, что „истинное бытие принадлежит не материи, а духу“. А знаете-ли вы сами, что такое „дух“, и каким образом превращается он в материю? И почему он *кажется* материей, обладающей такими качествами и свойствами, которые не зависят от человеческих выдумок и приписываний?

Как всегда бывает, особенно между русскими людьми, научный философский спор нередко превращается в горячую полемику. А кто горячится, тот очень легко начинает и сердиться: потому что в том возбуждаются такие чувства, как напр., недовольство своим противником; а оно легко переходит и в обиду, и в другие, тоже определенно неприятные и даже злые чувства. А на их почве начинается и вражда, и даже ругань. И вот, в глазах идеалистов, слово „материалист“ делается вроде как ругательным словом, а в глазах материалистов делается ругательным слово „идеалист“. И вот перед нами люди, действительно искренне и страстно ищущие истину, начинают чуть ли не браниться, хотя *ни те, ни другие* не обладают *полным* знанием пониманием истины, *предельно доступной* человеку „Ах ты, грубый материалист!“ „Ах, ты идеалист сахарный“!...

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Грустно то, что искренности искателей истины обыкновенно не принимается в расчет, и мало мальски корректной терпимости, в огромном большинстве споров, не наблюдается и даже не чувствуется. Каждый каждому навязывает свои знания и понимания истины, а она, как мы видели, еще не может быть ныне ни полной, ни точной, ни достоверной.

Но еще хуже вот что: мало кто из „убежденных материалистов“ и „убежденных идеалистов“ понимает, *почему* собственно они спорят, *почему* каждый из них имеет такие, а не иные убеждения, и *почему* одни люди становятся идеалистами, а другие материали-

стами? А над этими вопросами нельзя не подумать, и это прежде чем считать свои убеждения за „единственно верную истину“, и прежде чем относиться презрительно или снисходительно к своим противникам.

Вот почему одни люди (ученые, философы, обыватели) становятся одни — материалистами, а другие — идеалистами: это происходит естественно и более или менее незаметно для самих людей, для их сознания, а делается в силу различных их особенностей, склада их ума, характера, темперамента, в силу преобладания и сравнительной легкости вспыхивания в них таких, а не иных чувств, стремлений истинных и др. иррациональных переживаний.

По нашим наблюдениям, среди материалистов преобладают люди с конкретным складом ума, с хорошей наблюдательностью, люди активные, — техники. Для них, свойства вещества интереснее, чем психические свойства человека. Это видно и по тому, какие книги особенно нравятся: ведь книга есть реактив (проба) на человека. На материалистов сильнее всего действуют книги о внешней природе, как об особого рода машине, — книги материалистические. А идеалисты всего сильнее интересуются книгами о явлениях внутреннего мира, которого жизнь и деятельность очень своеобразна и даже капризна. Но ни идеалисты, ни материалисты, в огромном большинстве случаев не способны беспристрастно оценивать такие книги, которые не соответствуют их складу ума. Такие на них действуют плохо, а потому и не очень-то понятны и приятны. Так напр., знаменитая книга Л. Бюхнера „Сила и Материя“, ныне уже успевшая весьма сильно устареть, прямо таки отталкивает от огромного числа идеалистов. Подобно этому, и от материалистов отталкивают сочинения Владимира Соловьева. Идеалист говорит о Бюхнере, что Бюхнер „не сказал самого главного“, а материалист не без презрения называет В. Соловьева „мистиком“. Причины такого отношения к книгам иного толка очень глубоки — они вытекают не только из прирожденных, но и из приобретенных особенностей, — из различных отношений к социальной среде, к жизни, к реальности.

Вот как изучается обыкновенно реальность: сначала наблюдаются факты, затем они сортируются, затем объясняются, толкуются, затем правильность придуманного, сделанного объяснения проверяется; затем на этом основании стараются предвидеть новые и новые факты и согласовать вновь найденную истину со всеми другими истинами, какие найдены, доказаны, установлены раньше. Но вот что оказывается на деле: ненаблюдаемость и невинимость наша зависят от нашего организма. Тоже и чувствительность. Тоже и оценки, которые мы делаем: так напр. одному человеку кажется „неверным“ и не важным то, что другому кажется очень важным и верным. Уже в силу этого замеченные качества факта оцениваются по разному, смотря по тому, какие чувства возбуждаются в в каком человеке всего легче и быстрее, а какие всего труднее и медленнее. Например, глядя на страдания другого человека, тот наблюдатель, который всего больше сосредоточивает свое внимание на материальной, объективной, а не на внутренней стороне окружающей жизни, не придает, в силу такого склада своего ума и чувства, такого же большого же значения ее внутренней стороне. А человек другого склада ума и чувства отнесется к тем же явлениям иначе. Поэтому два таких, столь разных человека, оба станут объяснять один и тот же факт чужой жизни с разных точек зрения, — напр., один — с материалистической, другой с идеалистической. И при этом оба иной раз стараются и узнать, и понять, и объяснить, и использовать свое знание и понимание для какойнибудь цели, по мнению каждого из них самой важной.

А смотря по целям идет, разными путями и на разных основаниях, и рассортировка (классификация) фактов. А разная их рассортировка естественно приводит и к разным выводам из одних и тех же фактов, и к разным их обобщениям, и к разным абстракциям, к не-одинаковому восхождению от фактов к идеям все более и более общим, а потому и более туманным. А их можно понимать и оценивать то так, то этак, смотря по человеку. И вот два разных человека каждый по своему сортируют одни и те же факты на „важ-

ные" и „не важные“, „на достойные" и „не достойные" внимания.

Одному кажется наиболее важным напр., вещественная, материальная сторона, материальная форма, материальный интерес, польза или вред факта или массы фактов. Для другого наиболее важной может показаться не сторона вещественная того же самого факта, а сторона идейная. Один станет проверять и факты и свои объяснения их с точки зрения идеала (своего, личного, или человеческого, или общественного), а другой — с точки зрения материала.

Один человек при этом быть может, отнесется к людям менее отзывчиво, чем другой, и явления духа покажутся ему более близкими и интересными, чем явления происходящие в безжизненной и в органической и даже в организованной материи и с материей. Из таких разнородных качеств самих наблюдателей и оценщиков, разумеется, сложатся и различные миросозерцания у того и другого.

А каждый из нас всего лучше понимает в чужих знаниях, оценках и мнениях и берет из них прежде всего то, что он сам знает по собственному опыту, хотя этот его опыт, быть может, и не очень-то похож на опыт людей иного типа. По той же причине сходства типов, мы, люди, отвращаемся от всего для нас „неподходящего“, которое, потому самому, не только не интересно нам, но кажется и ненужным, даже вредным. И при этом, как идеалист, так и материалист, раз они люди искренние, одинаково правы: каждому свое. Ведь тот и другой принадлежат к различным психическим типам, обусловленным от самого их рождения на свет.

А это несходство психических типов видоизменяется принадлежностью людей к разным социальным группам, — напр. разным общественным классам, сословиям, к разным профессиям, к разной социальной среде, разным моментам истории, и т. д.

Но вот что еще очень важно: те же самые люди очень часто бывают не только оба правы, каждый по своему, но и одинаково неправы.

Пойдем еще более в глубину человеческих пререканий и недоразумений, хотя бы и по самым философским вопросам. Как

известно, люди очень привыкли противопоставлять внешний, материальный (объективный) мир внутреннему миру (идеальному, психическому, субъективному). Но правильно ли такое противопоставление? Правда-ли, что психический мир будто бы не имеет ничего общего с миром физическим, так наз. „душа" — с „телом“, „психика" — с „веществом"?

Возьмем какой-нибудь предмет, напр. апельсин. Это предмет внешнего, материального мира, не так ли? **Вовсе не так!** И правда, почему собственно мы знаем этот предмет, — апельсин? Да потому-то мы его и знаем, что знаем его качества и свойства. А их мы знаем потому, что ощущаем их при помощи всех наших органов внешних чувств, — ведь апельсин имеет такой-то внешний вид, цвет, форму, такой-то вкус, запах, и т. д. Но все это что такое? Все это наши **ощущения**; световые, обонятельные, вкусовые, мышечные и т. д. Значит, этот внешний предмет есть не иное что как совокупность **наших ощущений**. Это не он, а, так сказать, клубок, собрание ощущений им вызванных: он таков потому, что им вызваны такие-то ощущения. Но ведь всякое ощущение представляет собой явление **вовсе не внешнего, а внутреннего, субъективного мира**. Значит, предмет мира внешнего (в нашем примере — апельсин) состоит из свойств мира внутреннего! Какой же это внешний мир, в таком случае? Но это еще не все. Каких ощущений его мы почему либо не имеем (напр. вследствие несовершенства наших органов чувств), таких качеств этого предмета внешнего мира мы и не заметим, и не признаем, и не только в апельсине, но и в других предметах, нас окружающих. Чего мы не заметили, того для нас и нет, словно и не бывало. Так напр. для людей глухонемых **вовсе не существует** каких либо звуков, а для людей, которые слепы от рождения, не существует никаких цветов, да и формы предметов узнаются, различаются ими не по внешнему виду, а наощупь. Еще более субъективна наша **оценка** апельсина: хорош он или не хорош? красив он или не красив? полезен он или не полезен? **вкусен он или не вкусен?** Значит, апельсин — это наши субъективные, а не его объективные

свойства. Ой, апельсин, — это мы сами, потому что он составлен из наших психических переживаний, а значит, и из их особенностей, которые различны у каждого человека. В апельсине имеется не нашего только то, что эти наши особенности скомбинированы-то в одно целое не нами, а независимо от нас сделано чем-то посторонним, внешним. Но и это еще не совсем так: бывают случаи, что сам человек оживляет в себе сознание то тех, то других своих прошлых переживаний, вроде как извлекает цвета, и краски, звуки и формы из глубины своего Я. И оживлять все это можно иной раз ярко-ярко, словно это существует не в нас, а перед ним. Так и бывает напр. в случаях галлюцинаций, при некоторых болезнях, или в гипнозе. Такой больной, как и гипнотик, принимает комбинации своих субъективных, т. е. внутренних переживаний за свойства внешних, предметов. *) (Напр. видение мертвеца принимают за появление мертвеца). Да и каждый из нас, то и дело, приписывает внешним предметам свои собственные переживания: как мы знаем, без этого не обходится постройка никакой проекции, нами то и дело совершаемая. А на строительство проекций влияет наше тело. Напр. в медицине известны случаи так наз. идиосинкразии. Этим именем обозначается повышенное предрасположение такого-то человека к тому или иному раздражению, получаемому из внешнего мира. Напр., встречаются люди, которые особенно сильно чувствуют действия на них разных веществ (цветов, запахов, шумов и т. д.). Рассказывают о людях, которые совершенно не выносят земляники, устриц, кислой капусты, хинина: стоит им лишь проглотить хоть самое маленькое количество этих веществ, — и все их тело быстро покрывается красной сыпью. Идиосинкразия объясняется непомерно повышенной возбудимостью всей нервной системы. К ней же относятся и такие явления, как напр., то, что некоторые люди совсем не выносят никакого очень яркого цвета, но преимуществу красного или желтого: у них тотчас начинается то сильнейшая головная боль, то рвота. У иных людей камерная (классическая) музыка вызывает дрожь, а то и сильнейшую судорожную зевоту, а иногда и

судорожный плач. Есть люди, которые не могут дотронуться к мокрому бархату (идиосинкразия осязательная). Подобно этому, но в гораздо более слабой форме, все мы обладаем какими-нибудь особенностями в нервной возбудимости, в силу особенностей наших органов чувств и нервной системы. А каких именно — это до сих пор не выяснено с научной точностью.

Из этих примеров видно, что возбудимость у разных людей не одинакова. Подобно этому наблюдается и не одинаковая чувствительность разных внутренних органов тела. А в зависимости от этого бывает различной и возбудимость разных чувств или эмоций. Так напр., эротоманы отличаются очень легкой возбудимостью полового аппарата. У лакомок наблюдается тонкая чувствительность к вкусовым веществам. Болезни печени и желудка, как известно, ведут за собой раздражительность, легко вспыхивающую сердитость и т. д. Кроме того, у разных людей наблюдается не одинаковая возбудимость чувств внешних сравнительно с чувствами внутренними, а этим объясняется существование людей двух весьма различных и важных психических типов: у одного из них преобладают восприятия внешние над внутренними, у других внутренние над внешними. Далее, и в этих двух типах наблюдаются множество разновидностей, в том числе и психические типы идеалистов и материалистов, которые развиваются на той же психо-физиологической почве. Люди разных типов по разному ощущают совокупность разных особенностей внешнего и внутреннего мира. Мы не строим ее, эту совокупность, по нашей доброй воле, т. е. как нам вздумается и заблагоразсудится. А это-то и лежит в основе различной выработки разных типов мирозерцания: один и тот же апельсин интересует одного человека своим строением, как образец природы, а другого он привлекает даже не своим вкусом, а своим своеобразным оригинальным видом, и даже красотой.

Выше мы сказали, что внешний мир во все не отделим от внутреннего мира непроходимой пропастью, — ведь апельсин, как предмет внешнего мира, есть не иное что, как клубок или совокупность субъективных ощу-

щений. Потому, кстати сказать, и говорит индусский мудрец: „Камень — это я сам“. Но это еще не все. Очень многие, точно проверенные и доказанные факты тоже наводят на мысль, что между материальным и идеальным миром нет пропасти: она кажущаяся. Современная наука идет и идет к истине собственными путями и всячески старается во все не считаться ни с какими теориями, — ни с идеалистической, ни с материалистической, и не противопоставляет ни внешний мир внутреннему, ни обратно. И правда, при помощи точнейших опытов и наблюдений точно выяснено, что кроме „материи“ существует еще „энергия“, а ею обладает все сущее: как все то, что движется, так и все то, что не движется *). И движение, и неподвижность относительны.

Все, что движется, обладает некоторой силой, которая действует на препятствия. Давить, напирать на какое либо препятствие и преодолевать его в той или иной степени — это в науке называется **способностью совершать работу**. Такая способность и называется **энергией**. На людей ныне работают разные силы природы: свет, теплота, звук, магнетизм, электричество и т. д. Все это **разные виды энергии**, т. е. она способна принимать эти разные формы, превращаться из одной формы в другую, изменять свой вид. Но для нас здесь интересна теория энергии вот с какой стороны: противоположна ли она, энергия, веществу?

Ведь издавна было принято думать, что энергия не есть вещество, а вещество не есть энергия. Может ли существовать энергия **отдельно** от вещества и помимо него? Научно доказано, что все вещественные предметы состоят из частиц, которые в тысячи тысяч и миллионы миллионов раз меньше булавочной головки. Такие частицы называются „молекулами“. Эти молекулы состоят из атомов, а атомы из электронов, которые, в свою очередь, в тысячи раз меньше атомов и в миллионы раз меньше молекул. Чтобы получить ниточку из электронов, которая была бы длиною в один миллиметр, пришлось бы положить один за другим 250 тысяч миллионов электронов *) Электроны суть не иное что как атомы или зернышки электричества, а

электричество вовсе не есть вещество, а **энергия**, особая форма энергии. Существуют и атомы света и вообще лучистой энергии. По почину профессора Планка, они ныне называются **квантами** и тоже представляют собою энергию, а не материю. По мнению знаменитого материалиста и позитивиста проф. А. Фореля, как и многих других ученых, существует и особый вид энергии **психической** или **нервно-психической**.

Уже из всего сказанного видно: то, что нам кажется материей, **вовсе не материально**, так как представляет собою атомы не-материальной энергии. „Всякая материя **тождественна** с некоторой энергией“, говорит проф. О. Хвольсон. Мы должны допустить возможность превращения материи в энергию, при чем эта материя перестает **существовать**“. С другой стороны, „знаменитый закон сохранения (вечности) материи, т. е. массы или веса ныне оказывается **неверным**“. Итак, материя есть энергия, нечто невещественное, не материальное. Невещественно само вещество. Невещественна не только „душа“, а и „материя“, и энергия, на которые опирается материализм.

Таким образом пропасть между вещественным и невещественным надо признать тоже выдумкой, т. е. проекцией человеческого ума, недостаточно вооруженного знаниями. При помощи научной проверки, эта проекция оказалось не соответствующей реальности, как всякая другая ошибка.

Из всего этого видно, что противопоставлять внешний мир внутреннему совершенно неправильно и что между ними нет пропасти. Кажущаяся пропасть происходит только потому, что человек познает себя и мир и вообще все сущее **двумя разными способами или путями**. Внешний мир познается при помощи внешних органов чувств. А внутренний мир — при помощи чувств внутренних, т. е. непосредственно переживаемых. Об этом уже было сказано: и свет, и чувства, и стремления, и свое бытие мы чувствуем **непосредственно**. Это основа нашего бытия. Потому и сказал мудрец: „Я мыслю, я чувствую, я действую, — значит, я живу, я существую“. Без этого не может существовать ни один человек.

Примем в расчет все вышесказанное, — и мы увидим, что, по существу вопроса, нельзя противопоставлять идеализм материализму. И обратно. В основе того и другого лежит одинаковое незнание того, что скрывается за пеленой или за стеной наших ощущений и что для нас, при настоящем устройстве нашего мозга и тела, вообще нельзя не признать непознаваемым. Можно противопоставлять лишь идеалистам материалистам, а материалистов идеалистам, и не потому, что у них разные убеждения, разные мировоззрения, а потому что сами-то они — люди различных психических типов: разного склада ума, разного темперамента, характера, с преобладаниями различных чувств, и т. д. и т. д. А они так различны потому, что они сложились по-разному. А каждый из нас складывается под влиянием трех главных причин. Из них первая — наша наследственность, т. е. совокупность телесных и душевных качеств, полученных от родителей и вообще от предков. Вторая — влияние социальной среды, т. е. совокупность наших навыков, привычек и всяких других приобретений (знаний, идей, воспитания, образования, верований, нравов, обычаев, языка и т. п.). Третья — наши личные особенности, потому что каждый из нас не только принимает то, что дают ему наследственность и социальная среда, но и выбирает из того, что ими дается, и выбирает по собственному вкусу, а не по вкусу и на цвет товарища нет. А всякий выбор, делаемый каким-либо человеком, представляет собой результат бесконечно большого числа причин, внутренних и внешних. Достаточно маленькой из маленьких песчинок, чтобы толкнуть чувствительные весы в эту, а не в ту сторону.

Напомним еще один факт: соберите в своей библиотеке всех философов материалистов и всех философов идеалистов и постарайтесь рассортировать их. Это вам не очень-то легко удастся, потому что как среди материалистов, так и среди идеалистов, наблюдается очень много различных оттенков мысли, точнее сказать: идеалисты с идеалистами, как материалисты с материалистами весьма часто не сходятся в своих мнениях, и даже очень существенно не сходятся. Так напр., существуют идеалистические течения мысли,

которые называются „идеализмом объективным“, „догматическим“, „идеализмом субъективным“, „идеализмом трансцендентальным“, „идеализмом эстетическим“, „идеализмом реализмом“, и т. д. Существуют и разные толки в материализме: „материализм метафизический“, „материализм позитивный“, „материализм сенсуалистический“, „материализм научный“, „материализм экономический“, материализм вульгарный“. Существуют и переходные формы между всеми этими формами идеализма и материализма, иначе сказать, — люди, которые занимают промежуточное положение. Существуют и переходные формы между этими переходными формами. И в результате, бывает нередко даже трудно и решить, какого философа к какому течению причислить, потому что в философии все со всем связано, как и в природе, и тоже целым рядом промежуточных, переходных форм. А потому и всякая рассортировка материалистов и идеалистов всегда бывает только относительной. Каждый сортирует их по своему или более или менее по своему. Это смотря по тому, как рассортищик понимает эти слова „материализм“ и „идеализм“. Вот пример разному пониманию этих слов:

Величайший материалист В. Ленин вместе с тем и величайший идеалист: не он ли отдал все свои силы на борьбу за свой идеал? Тоже и К. Маркс. И не идея ли помогла им завоевывать реальный мир? А величайший идеалист Ф. Гегель не привел ли Фейербаха, Штрауса, Карла Маркса и др. к марксистскому материализму? Напомним еще профессора А. Фореля, который и материалист и одновременно идеалист, отдал все свои силы на служение людям.

Будем же прежде всего смотреть на то, что может соединить людей, а не на то, что раз'единяет их.

Н. Рубакин.

Швейцария. Лозанна.
1930 май.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1) Имеется в русском переводе. О нем см. Куно Фишер, Фр. Бэкон. Реальная философия и ее век".
- 2) См. Герберт Спенсер. Полное собрание сочинений в II томах. Перевод под ред. Н. Рубакина.

М. И. СУК.

ПЛАТФОРМА № 2

Разумеете прежде всего то, о чем хотите писать, и не мешайте работе, которой помочь вы не можете и не хотите.

А. Герцен.

Еще не улеглись споры вокруг известной аршиновской „Платформы“, как в свет появилась в этом году „Декларация Группы Русских Анархистов содействия „Делу Труда“, изданная в Аргентине единомышленниками Аршинова, или вернее — Червяком-Воронкой.

Декларация аршиновских аргентинцев, как и аршиновская „Платформа“, представляет попытку „самого верного“, „самого правильного“ и „самого скорого“ разрешения практических, тактических и теоретических задач анархического движения в мировом масштабе.

Размах аршиновцев действительно огромный, претензии большие. Аршиновцы желают торжества анархических идей сразу, во всем мире. Они стремятся осяслить человечество одним взмахом волшебной палочки. Надо быть бесконечно дерзкими и смелыми людьми, чтобы разрешать подобным образом проблемы анархизма в отношении всех стран, рас и народов; чтобы, например, китайцам или японцам давать рецепты общественного переустройства, приемлемые для европейских стран и вовсе, может быть, не пригодные для Китая и Японии.

Авторы аргентинской „Декларации“, очевидно, исходят из довольно распространенного ошибочного предположения о том, что все „люди-братья“, как лицемерно твердят нам об этом христианские церкви, или, что

пролетариат, все трудящиеся, принадлежат к одному рабочему классу, а потому и интересы у них одинаковые, общие. Им нечего терять кроме своих цепей, как это утверждал Карл Маркс. Проповедники христианского братства и единства рабочего класса теоретически возможны и правы. Но коль скоро из поднебесных высот фантастики мы опускаемся на землю, то все эти прекрасные и, казалось-бы, правильные теории не находят оправдания на практике. Братства людей пока не существует. Нет его даже среди духовенства, занимающегося проповедью этого братства. Ничего христианского нельзя найти ни в посланиях Папы римского, возбуждающего своими молитвами ненависть против безбожников в СССР вопреки Христовой заповеди о любви к своим врагам, ни в посланиях различных православных епископов, осуждающих, предающих анафеме и запрещающих друг друга в священнослужении.

Единство рабочего класса нарушается распадением его на множество группировок в форме тред-юнионов, профессиональных объединений и т. п. Расстояние, разделяющее квалифицированного рабочего от чернорабочего, очень значительно. Интересы организованных и неорганизованных рабочих сплошь и рядом противоречивы. Если принять во внимание, что к объединению в профсоюзы и защите своих интересов скорее всего склонны более развитые и передовые рабочие, добивающиеся относительного улучшения своего материального положения в буржуазном обществе; что вытекающие из принадлежности к профсоюзу преимущества притупляют в рабочих чувство классового угнетения и зависимости; что тред-юнизм неизбежно приводит к реформизму и парализует всякие попытки коренной ломки буржуазного строя более радикальными и решительными средствами, то теория классовой борьбы представится нам в совершенно ином свете.

Американский капитализм, например, не только интенсивно эксплуатирует, но и обогащает, омещанивает, обуржуазивает ра-

3) Очень рекомендуем прочесть знаменитую книгу Н. Тана „Об уме и познании“ (Рус. пер.).

4) Об этом крайне важном вопросе рекомендуем прочесть: проф. Крапивин „Энергия и ее превращения“. Проф. О. Хвольсон. „Характеристика развития физики за последние 50 лет. Ленинград 1924 г. Его-же. Физика наших дней 1928 г.

5) О. Хвольсон. „Физика наших дней“. Москва 1928. Стр. 38. Масса электрона в 1840 раз меньше атома водорода.

6) Там-же, стр. 38.

7) Там-же, стр. 37.

бочего. Расфранченный американский рабочий (в большинстве случаев квалифицированный, тред-юнионист), развлекающийся поездками с фланперистками на собственном не дешевом автомобиле, представляет резкий контраст китайскому кули, или советскому рабочему, испытывающему недостаток в предметах первой необходимости, в одежде и в хлебе.

Естественно поэтому, что и предпосылки революционных перспектив в Соединенных Штатах должны быть иные, нежели, например, в Китае или в Германии, где рабочему приходится владеть полуголодное существование. Если советского или германского рабочего можно увлечь на революционное действие указанием на его бедственное материальное положение и обещанием улучшения условий жизни, то апеллирование к желудку американского рабочего не найдет того отклика, который оно может вызвать у полуголодного европейского или азиатского рабочего.

Если в Соединенных Штатах имеют место волнения безработных, то по своему характеру и целевым устремлениям они резко отличаются от подобных волнений в Европе.

Степень нужды европейского безработного большая, нежели американского безработного, и поэтому выступления безработных в Европе и в Америке существенно разнятся. В первом случае они более революционны и опасны для буржуазных правительств; во втором же случае — они спорадичны, случайны и не отличаются особенной настойчивостью и упорностью. Этим только можно объяснить, что законодатели не придают большого значения демонстрациям безработных и не ставят вопроса о государственной помощи безработным хотя-бы в виде полуголодных пайков, которыми пользуются безработные в европейских странах.

Подчеркиванием различий отличительных черт американского и европейского рабочего движения я хочу указать на неизбежность разных подходов и оценок этих движений, на неприменимость к ним какой-нибудь одной, универсальной программы и тактики. И особенно чудаческими (и смехотворными) представляются мне попытки начертания

одного общего плана действий для всех стран и народов, какими являются парижская „Платформа“, аргентинская „Декларация“ и им подобные документы.

Аршиновцы во чтобы то ни стало задались целью ошастливить не только себя, но и все человечество. Они открыли секрет, обрели „истину“, которая сделает все человечество свободным и счастливым. Кто прочтет „Декларацию“ аргентинских аршиновцев и уверует в нее, тот, конечно, спасется. Сомневающиеся же и поносящие ее пойдут в Геенну огненную.

Страх перед осуждением аршиновцев, однако, и на сей раз не сможет закрыть мои уста. Сомнения мои настолько велики, что я не могу воздержаться от обсуждения „Декларации“, обращенной к тому-же ко „всем, всем, всем!“

Во введении к „Декларации“ бросается в глаза прежде всего претенциозность авторов ее. Воронко и Черняк, или вернее один из них, написавший „Декларацию“, и для целей важности назвавший декларацией „группы“, говорят не от себя, не в единственном числе, а так, как-бы они (или вернее он) представляли все международное анархическое движение, и выражали его мнение. Более того, они говорят не только за себя, не только за все анархическое движение, а и за „честных сознательных рабочих сохи и станка“, за „интеллигентных тружеников“ и т. п. „Мы говорим“, „мы хотим“, „нам нужно“ и тому подобными фразами начинается декларация.

Конечно, авторы декларации не осведомлялись ни у советского рабочего и крестьянина, ни у американского рабочего, ни у мексиканского пеона, ни у анархистов европейских, американских и азиатских чего они хотят, как понимают анархизм и какие пути и средства они считают необходимыми для его осуществления. Никто авторам „Декларации“ не давал директив говорить от чужого имени, и хотя „Декларация“ является плодом творчества и усилий одного лица (обыкновенно всякая программа, манифест, резолюция и т. п. сочиняется одним человеком, а не коллективно, и поэтому коллективное творчество — фикция), аргентинские аршиновцы тем

не менее считают себя вправе говорить от имени всего анархического движения.

Чего-же хотят аршиновцы? Им „недостаточно теперь туманных рассуждений о свободе, равенстве, братстве, любви, терпимости, солидарности, гармонии интересов, морали, совести, этике, эстетике“... и они требуют „всех человеческих прав и вместе с тем, хотят нести на себе все человеческие обязанности“.

Каковы эти права и обязанности человека, в „Декларации“ не имеется указаний. Подобное декларирование очень похоже на то „туманное рассуждение о свободе“, которое несколько не по душе авторам „Декларации“. Возникает прежде всего вопрос — какие человеческие права признают декларанты, т. е. писанные, юридические, обычные, естественные и т. п? Кем эти права и обязанности будут устанавливаться — парламентом, какой-нибудь организацией, собранием и т. д. Каковы будут права этих учреждений, определяющих наши права? Или закон будет состоять в том, что никакие учреждения и организации не будут пользоваться правом законодательства, и что каждый человек будет сам себе закон?

Мыслят-ли декларанты анархическое общественное устройство с судами, тюрьмами, виселицами и казнями, или же без всех этих атрибутов устрашения и наказания? Будет ли допустимо наказание человека смертной казнью, или какойнибудь иной мерой возмездия, в каких случаях, за какие преступления и по чьему решению? Боюсь я, чтобы анархисты аршиновского типа, начавшие с утверждения человеческих прав, на практике не пришли до полного отрицания или значительного их ограничения. Практика русской революции научила осторожному отношению к различным торжественным заявлениям политических деятелей и партий. Ленин, начавший с отрицания смертной казни, на практике ввел ее в систему государственного устрашения. Нечто подобное случилось и с мягкосердечным Керенским и прочими социалистическими партиями, прибегающими к услугам палача.

Махновцы тоже прибегали к самосудам и не особенно церемонились с, казалось-бы,

естественным и ненарушимым правом человека на жизнь. Махновцами расстреливались люди, как это можно заключить из книги П. Аршинова „История махновского движения“, не за какое-нибудь действие или акт, а за одни, может-быть необдуманные, слова...

Декларанты ищут „такой основы, такого положения, такого метода и способа в нашем анархическом движении, которые отвечали бы не только нашей повседневной деятельности, но и разрешали-бы все вопросы будущего строительства“...

Аршиновцы, как видите, работают не только для настоящего поколения, но и для всех будущих поколений. Они трудились и открыли такой путь, который с „нынешнего дня“ „вел бы нас по верному, скорейшему пути, к заветной нашей цели, — к анархическому строю“.

Найдя этот чудодейственный талисман, они его не спрятали в землю и представили на суждение всего мира.

Этот „неизвестный“ анархистам секрет заключается в том, чтобы объединить анархическое движение при посредстве „такого способа и метода“, который давал бы нам возможность в нашей прессе, на наших собраниях, докладах, рефератах, собеседованиях и на наших могущих быть съездах, конференциях выяснять наши недостатки, наши положительные и отрицательные стороны, и намечать нам практические пути дальнейшей нашей анархической работы“...

Все эти рекомендации аршиновцев давно уже практикуются и будут, разумеется, практиковаться теми анархистами, которые стремятся к сотрудничеству и объединенной работе. Упрек в замкнутости и сектантстве можно бросить лишь по адресу аршиновцев, выступающих с теориями об отборе в анархическом движении, о разделении анархистов на козлиц и овец, об объединении „отборных анархистов“, т. е. подчиняющихся аршиновской диктатуре, по „партийному признаку“ и т. п.

В общей части „Декларации“ слышны знакомые мотивы парижских и иных реформаторов, задавшихся целью спасти погибающее анархическое движение. Анархический идеал, — по утверждению декларантов, —

„остается одной лишь мечтой при настоящей шаткости и противоречивости системы анархизма. Современный анархизм *бесцелен* идеологически и политически сгруппировать массы вокруг идей и лозунгов анархизма. Причина этому, — его бесчисленные „теории“ и „направления“.

Таков диагноз болезни анархического движения. А в чем же его спасение? А вот в чем:

„Единственный путь к оздоровлению анархизма и анархического движения есть — идеологическое и организационное расслоение нашей среды, отбор активных работников на почве однородной, теоретической и практической программы“.

Декларанты, таким образом, устанавливают следующие факты: они считают „шаткими и противоречивыми“ основные положения анархизма, разработанные в учениях Прудона, Бакунина, Кропоткина, Элизе Реклю, Малаксы, Жан Грера и других известных теоретиков анархизма. Все эти учения „бессильны идеологически и политически“ вдохновить массы на действия, а, следовательно, их надо выбросить за борт. Для успешного же развития анархического движения надо воспринять новое анархическое „учение“ Черняка и Воронки и тогда все изменится к лучшему.

И в самом деле, зачем людям ломать голову над „бесчисленными теориями и направлениями“, когда социальный вопрос может быть разрешен более упрощенным способом, по методу Черняка-Воронки. Эти новоявленные спасители анархизма произведут идеологические и организационные установки, начертают на скрижалях анархические заповеди, и все что остается остальным людям, так это — жить, бороться и действовать по ним для того, чтобы попасть в анархический рай.

Нет надобности на этот раз опять возвращаться к более подробному разбору и критике выдвигаемой декларантами теории единого анархизма, имеющей очень мало сторонников в анархическом движении. Интересующиеся критикой этой теории пусть заглянут в мои статьи в „Воле“ и „Пробуждении“.

Ко всему этому, однако, считаю нужным прибавить, что неуспех анархического движе-

ния заключается не в тех или иных пробелах теоретического характера, — положений анархизма достаточно разработаны и ясны, — а главным образом в нас самих, в осуществителях этих теорий. Анархические идеи в большинстве случаев остаются неизвестными широким рабочим массам просто потому, что у нас нет талантливых и способных пропагандистов, агитаторов, журналистов, организаторов и т. п. Ведь недостаточно быть анархистом, надо еще обладать известными способностями для того, чтобы успешно вести анархическую пропаганду. Кропоткины и Бакунины появляются на свет не каждый день. Анархическое движение очень бедно интеллигентными силами. Успешность пропаганды также зависит и от материальных средств. Нельзя издавать журнал, газету, книгу, брошюры и т. п. без денег. В материальном смысле американское анархическое движение поставлено в более благоприятное положение, нежели анархическое движение в Европе. Но зато в Америке ощущается острый недостаток в интеллигентных работниках. Американское анархическое движение пока что не выдвинуло новых Беркманов и Гольдманов. Не изобилует ими и русское анархическое движение в Америке. Работа ведется людьми „от сохи и станка“, и поэтому она пока не приносит больших результатов.

Приблизительно в таком же положении очутилось и русское анархическое движение в Аргентине. Отовсюду раздаются жалобы на недостаток интеллектуальных сил. Говорить, следовательно, надо было-бы не об идеологическом кризисе, а вернее всего — о безлюдьи, о необходимости оживления и расширения анархической пропаганды путем обогащения нашего движения интеллигентными силами. Без этих сил невозможна более-менее успешная анархическая пропаганда.

Откуда-же взять эти силы? Если интеллигия к нам не идет по тем или иным причинам, то анархическое движение должно само создать и выдвинуть из своей среды интеллигентных работников. Люди с некоторыми задатками к общественной работе должны заняться самообразованием, чтобы поднять себя до известной степени культурности. Неужели

плектуется по принципу добровольности. Но это не мешает солдатам расстреливать бастующих рабочих.

Декларанты говорят о „вольном, свободном анархо-коммунистическом строе“. Это положение содержит явное противоречие. Коль скоро анархическое общество мыслится коммунистически, т. е. заранее предопределяющим экономическую форму общественного устройства, то о вольности коммунизма не может быть речи. Вольным оно может почитаться только теми, кто его приемлет. Но представим себе, что я — индивидуалист, ассоционист или просто гражданин, не желающий жить в коммуне. Если меня, несмотря на мои протесты, потащат жить в коммуну, то я, конечно, подобных анархо-коммунистов назову насильниками.

Пустословием представляются мне и разговоры об отрицании парламентаризма и демократии. Отрицать все это может только последовательный анархист-индивидуалист, не признающий никакого общественного строя, признающий только свой собственный, индивидуальный закон. Но становясь на точку зрения федеративного или конфедеративного общественного устройства, невозможно обойтись без общих соглашений, сговоров, постановлений, и т. п. А все это предполагает необходимость созыва общих съездов, собраний, вынесения решений, создания различных общетерриториальных (я сказал-бы — государственных) учреждений, безвластных, а то и с дисциплинарными функциями в случае необходимости.

Уполномоченные на подобные съезды будут, разумеется, не самоназначаться, а избираться населением данного поселка, деревни, города и т. д. Вот вам и демократия в несколько обновленной, видоизмененной форме, служащая интересам не одной только буржуазии, но всего трудящегося народа.

„Декларация“ намечает „Путь скорейшего достижения анархического коммунизма“ через „насильственную социальную революцию“. Иного пути нет и „быть не может“. Бунты, восстания, революции и потрясения происходили в прошлом в различные периоды истории человечества, и в будущем, разумеется, ни одна страна не застрахована от

их повторения. Но из этого вовсе нельзя делать того вывода, что социальный переворот, или анархический коммунизм может быть осуществлен только посредством „насильственной социальной революции“. Весьма возможно, что в некоторых странах дело не обойдется без революционной потасовки. Но с другой стороны, надо допустить возможность и иных путей социального переустройства и коммунизации общественной жизни. В тех случаях, когда возможно полное или частичное осуществление коммунизма или социализма мирным путем, нет совершенно никакой надобности в революционной драке.

Современный строй не является буржуазным, капиталистическим в полном значении этого слова. В большинстве, так называемых, буржуазных стран, наряду с чисто капиталистическими предприятиями, возникают и развиваются различные общественные, социалистические и даже коммунистические предприятия и учреждения. Можно указать на существование кооперативных производственных и потребительных объединений, почтовых, телеграфных и телефонных служб, железных дорог, водоснабжения, различных муниципальных служб, больниц и т. п. учреждений и предприятий общественного характера.

Само собой понятно, что в современном обществе элементы коммунизма можно встретить лишь в зачаточном, рудиментарном состоянии, но они тем не менее существуют. Коммунистические ростки всетаки пробиваются сквозь гущу и толщу капитализма и заявляют о своем существовании.

Коммунистические тенденции можно встретить даже в таких капиталистических предприятиях, как, например, рестораны. Нам, конечно, надо платить за обед. Но если вы уплатили за него, то можете пользоваться в неограниченном количестве хлебом, водой, солью, сахаром, бумажными салфетками, спичками и прочими мелочами, имеющимися в нашем обществе в изобилии. Поэтому можно с известным правом утверждать, что в отношении питания населения Америка более коммунизирована и ближе к коммунизму, нежели, например, Советский Союз, где хлеб, соль, сахар и прочие продукты выдаются в ограниченном количестве, по карточкам. Еще в худшем положении находится индийское население

плектуется по принципу добровольности. Но это не мешает солдатам расстреливать бастующих рабочих.

Декларанты говорят о „вольном, свободном анархо-коммунистическом строе“. Это положение содержит явное противоречие. Коль скоро анархическое общество мыслится коммунистически, т. е. заранее предопределяющим экономическую форму общественного устройства, то о вольности коммунизма не может быть речи. Вольным оно может почитаться только теми, кто его приемлет. Но представим себе, что я — индивидуалист, ассоционист или просто гражданин, не желающий жить в коммуне. Если меня, несмотря на мои протесты, потащат жить в коммуну, то я, конечно, подобных анархо-коммунистов назову насильниками.

Пустословием представляются мне и разговоры об отрицании парламентаризма и демократии. Отрицать все это может только последовательный анархист-индивидуалист, не признающий никакого общественного строя, признающий только свой собственный, индивидуальный закон. Но становясь на точку зрения федеративного или конфедеративного общественного устройства, невозможно обойтись без общих соглашений, сговоров, постановлений, и т. п. А все это предполагает необходимость созыва общих съездов, собраний, вынесения решений, создания различных общетерриториальных (я сказал-бы — государственных) учреждений, безвластных, а то и с дисциплинарными функциями в случае необходимости.

Уполномоченные на подобные съезды будут, разумеется, не самоназначаться, а избираться населением данного поселка, деревни, города и т. д. Вот вам и демократия в несколько обновленной, видоизмененной форме, служащая интересам не одной только буржуазии, но всего трудящегося народа.

„Декларация“ намечает „Путь скорейшего достижения анархического коммунизма“ через „насильственную социальную революцию“. Иного пути нет и „быть не может“. Бунты, восстания, революции и потрясения происходили в прошлом в различные периоды истории человечества, и в будущем, разумеется, ни одна страна не застрахована от

их повторения. Но из этого вовсе нельзя делать того вывода, что социальный переворот, или анархический коммунизм может быть осуществлен только посредством „насильственной социальной революции“. Весьма возможно, что в некоторых странах дело не обойдется без революционной потасовки. Но с другой стороны, надо допустить возможность и иных путей социального переустройства и коммунизации общественной жизни. В тех случаях, когда возможно полное или частичное осуществление коммунизма или социализма мирным путем, нет совершенно никакой надобности в революционной драке.

Современный строй не является буржуазным, капиталистическим в полном значении этого слова. В большинстве, так называемых, буржуазных стран, наряду с чисто капиталистическими предприятиями, возникают и развиваются различные общественные, социалистические и даже коммунистические предприятия и учреждения. Можно указать на существование кооперативных производственных и потребительных объединений, почтовых, телеграфных и телефонных служб, железных дорог, водоснабжения, различных муниципальных служб, больниц и т. п. учреждений и предприятий общественного характера.

Само собой понятно, что в современном обществе элементы коммунизма можно встретить лишь в зачаточном, рудиментарном состоянии, но они тем не менее существуют. Коммунистические ростки всетаки пробиваются сквозь гущу и толщу капитализма и заявляют о своем существовании.

Коммунистические тенденции можно встретить даже в таких капиталистических предприятиях, как, например, рестораны. Нам, конечно, надо платить за обед. Но если вы уплатили за него, то можете пользоваться в неограниченном количестве хлебом, водой, солью, сахаром, бумажными салфетками, спичками и прочими мелочами, имеющимися в нашем обществе в изобилии. Поэтому можно с известным правом утверждать, что в отношении питания населения Америка более коммунизирована и ближе к коммунизму, нежели, например, Советский Союз, где хлеб, соль, сахар и прочие продукты выдаются в ограниченном количестве, по карточкам. Еще в худшем положении находится индийское население

ние, которому приходится платить большой соляной налог англичанам и поднимать восстания, чтобы избавиться от этой дани империалистам.

Главная, однако, ошибка сторонников революционного метода общественного переустройства заключается в их спорном предположении, что насильем можно не только уничтожить капиталистический класс, но и создать революционным способом коммунистический строй. Революционным, насильственным путем, конечно, можно легко уничтожить в общем не особенно многочисленный капиталистический класс. Но можно-ли революционным, насильственным способом построить автомобиль, трактор, завод? и т. п. На большевистском опыте в СССР можно было-бы, казалось, убедиться в полной несостоятельности насильственных способов насаждения коммунизма и социализма. Дубиной диктатуры, насильственными мерами нельзя никого загнать в коммунистический или какой-бы то ни было иной рай.

Революционные перспективы не во всех странах одинаковы. Не везде имеются предпосылки для социальных революций, которые могут быть и не быть. Счень вероятно, что в некоторых странах эволюция общества будет происходить мирным путем, не такими скорыми темпами, как того хотелось-бы нам.

Не надо также упускать из виду и того обстоятельства, что самый капитализм подвержен законам эволюции, в процессе коей он испытывает значительные изменения. Крупные капиталистические заводы, фабрики и т. д. в большей или меньшей степени, представляют обобществленные предприятия в которых роль отдельного собственника ступше-вается.

Анархическое промышленное производство декларанты представляют в таком виде:

„Производственный механизм страны является единым и принадлежит всему рабочему классу... Руководят же этим производством „фабрично-заводские промышленные комитеты“. В „Декларации“ ничего не упоминается в какие к индустрии отношения будут поставлены крестьяне и остальное население страны, почему-либо не принадлежащее к классу промышленных рабочих. Будут-ли, напри-

мер, крестьяне, и другие жители страны привлечены к участию в управлении индустрией; смогут ли они оказывать то или иное влияние на производственные планы, постановку дела, создание новых предприятий, словом, — будут ли они такими-же равноправными участниками индустрии, как и работающие в предприятиях рабочие?

Если же не только рабочие, но и крестьяне, все население страны будет пользоваться правом решающего голоса во владении, пользовании и управлении анархической индустрией, то очевидно, что таковой должны управлять не фабрично-заводские промышленные комитеты, а учреждения общего, смешанного типа, создаваемые по общим решениям рабочих, крестьян и всего остального населения страны.

Устранение крестьянства от участия в управлении промышленностью может привести к разрыву и войне между городом и деревней, как это и случилось в СССР, где „правящий“ рабочий класс производит недостаточное количество необходимых деревне товаров и слишком взвинчивает цены на них, принуждая, таким образом, крестьян покрывать убытки плохо налаженной советской промышленности.

Сотрудничество и сотрудничество деревни с городом возможно только в том случае, если все производственные и сельскохозяйственные вопросы будут решаться не классовыми и групповыми объединениями, а всем населением данной страны, области, района, города, деревни и т. д.

Не следует предаваться несбыточным мечтаньям и утешать себя тем, что крестьяне „буквально завалят города продуктами сельского хозяйства“. Во-первых, этих продуктов в деревне не так уж много имеется, а во-вторых, трудно предположить, чтобы при отсталости сельского хозяйства крестьянин смог-бы, по мановению волшебного жезла, значительно поднять урожайность истощенной земли, в некоторых местах едва кормящей деревенское население.

Все, чего можно ожидать от крестьянства, это — снабжения деревни хлебом и ством этого хлеба и продуктов должно быть уstad другими продуктами продовольствия. Количе-

новлено соглашением между городом и деревней по такому расчету, что бы эквивалент ценности даваемых деревне городом товаров был равен таковому сельско-хозяйственных продуктов, получаемых городом в деревнях. В начальной стадии анархического коммунизма вряд-ли возможно будет наладить экономические отношения между городом и деревней на чисто коммунистических основаниях. Коммунизм возможен только при наличии высокого уровня промышленного и сельско-хозяйственного развития, при возможности массового, быстрого и дешевого производства товаров.

Земельный вопрос в „Декларации“ разрешается совсем не по анархо-коммунистически. Имеются туманные рассуждения о „черном переделе земли с целью установления коллективного добровольного землепользования и землеобработки на общинных вольных анархических началах“.

Устанавливается закон о том, что „земля принадлежит и должна принадлежать всему трудовому народу в целом и никому в отдельности“:

что „земля всеобщая собственность трудящихся масс — крестьян и рабочих“; —

что „земля — общественная, принадлежит всему свободному вольному обществу, и она не может быть никогда предметом частной собственности, тем более купли и продажи“; что „земля не может быть сдаваема и отдаваема в аренду кем-либо и кому-либо, а также не может земля служить средством эксплуатации чужого труда“.

Провозгласив все эти законы, „Декларация“, однако окончательное разрешение вопроса о формах землепользования передает на разрешение „обще-крестьянских свободных, вольных съездов“. При такой постановке вопроса, конечно, не может быть никакой речи о создании сельско-хозяйственных коммун. Декларанты, подходя к земельному вопросу, умыляют руки, капитулируют. Земельный вопрос разрешат, мол, крестьянские съезды. А как он будет ими разрешен, — в форме-ли коммун, артелей, общин, коллективов или индивидуального владения — никто, конечно, не знает. Все будет зависеть от настроения участников съезда, которые могут повернуть дело так, или

иначе. Может, произойти „чудо“, но в „Декларации“ не исключается и единоличная форма крестьянского землепользования. Вероятнее всего, что форма единоличной обработки земли будет преобладающей, и социальная революция в деревне закончится сохранением индивидуального пользования и увеличением крестьянского надела крошечными прирезками из конфискованных у крупных землевладельцев поместий.

Начав с идеала анархо-коммунистического общественного устройства, аргентинские реформаторы запели „за упокой“ этой теории, когда подошли к земельному вопросу. На коммунизацию деревни они не решаются и санкционируют существующее теперь в деревне по ложные: черзполосицу и крошечные лоскутки земли, не позволяющие ведения более интенсивного сельского хозяйства и повышения производительности земли. Правда, крестьянину воспрещается продажа земли, она превращается как-бы в заповедную, в отношении ее распространяются ныне действующие в некоторых буржуазных странах законы, воспрещающие некоторым крупным помещикам продавать, завещать или дарить об'явленные заповедными имения.

В земельном вопросе как нельзя лучше обнаруживается вся несостоятельность, непоследовательность и противоречие положений „Декларации“. Проповедники насильственной социальной революции капитулируют, не решаются применить при разрешении аграрного вопроса свое излюбленное средство — дубинку и пулемет, чтобы уничтожить многомиллионный класс мелких крестьянских собственников ради торжества идеалов анархо-коммунизма.

Декларанты очень решительно расправляются с городской буржуазией, капиталистами, торговцами и т. п. Все они должны исчезнуть с лица земли ради торжества анархо-коммунистической идеи. Но у них появляется какая-то робость, когда дело касается уничтожения мелкого землевладения в деревне. Они готовы сохранить самый многочисленный класс крестьянских мелких собственников, который в конечном итоге порождает кулаков, купцов и более крупную буржуазию.

Успех анархического движения деклара-

нты ставят в связь с анархическим объединением. Об этом имеется специальный пункт в конце их „Декларации“. Этот пункт гласил всех стран в одну мощную организацию“. сил всех стран в одну мощную организацию“. По какому признаку и кем будут причисляться анархисты к больным или здоровым — в „Декларации“ указаний не имеется. В роли врачевателей, очевидно, собираются выступать аршиновцы, давно уже провозгласившие себя единственными, непогрешимыми истолкователями и носителями анархических идеалов.

„Декларация“ предлагает „федеративное объединение анархических организаций и групп по местам, губерниям и областям, на конфедеративных началах, в общую анархическую конфедерацию, затем во всестранное конфедеративное, общепанархическое объединение, в анархический интернационал“.

Эта „всеобщая“ организация создается по принципу „самодисциплины и ответственности перед коллективом“. Иными словами говоря, устанавливается принцип коллективной, догматической непогрешимости. Коллективные решения и постановления обязательны для всех членов коллектива. Коллектив во всем прав, коллектив не ошибается. Личность должна преклонить голову перед коллективом, перед организацией, перед постановлениями съезда или конференции, должна подчиняться большинству, должна исполнять предписания этого большинства, хотя бы они, с точки зрения меньшинства, или отдельного человека, казались бы неанархическими, вредными для анархического движения и не приемлемыми. Пресловутая „ответственность перед коллективом“ является не чем иным как позаимствованием у политических партий

и введением в анархическое движение контр-рабандным путем принципа насильственного подчинения меньшинства власти большинства.

Согласно подобной концепции, коллектив главенствует, господствует над меньшинством, над отдельной личностью. А над коллективами имеются еще другие инстанции в виде различных секретариатов местных, областных и т. д. вплоть до конфедеративного и даже „всеобщего“ начальства. Вот эта организационная верхушка и должна будет давать общие директивы, и направление всему анархическому движению, устанавливать „общие анархические принципы“, словом — будет руководить анархическим движением подобно Московскому Интернационалу.

Каким же методом, каким путем предлагают аршиновцы создать „всеобщее“ анархическое объединение? На этот вопрос они отвечают в „общей части“ своей „Декларации“ так:

„Единственный путь к оздоровлению анархизма и анархического движения — идеологическое и организационное **расслоение** (курсив мой М. С.) нашей среды, отбор активных работников на почве однородной, теоретической и практической программы“.

Хорошо должно быть „объединение“, начатое „расслоением“, расколом, разединением. Этой работой аршиновцы занимаются уже несколько лет подряд, но похвастать результатами своей подобной объединенческой работы они не могут. В Париже аршиновцы до того „расслоили“ свою собственную группу, что от нее остались одни ножки да рожки. Пришлось ретироваться из Парижа и переселяться в далекую Аргентину, чтобы на новом месте повторить свой неудачный парижский опыт..

М. И. Сук

Незаслуженные обвинения.

Как организациям, так и отдельным личностям, принимающим участие в издании газ. и журн. „Пробуждение“, пришлось немало выслушать за последние годы обвинений. В чем их только не обвиняли! В монархизме, фашизме, черносотенстве, контрреволюционности, белогвардейщине, капитализме, империализме, в воровстве наборных машин, — все это с особым старанием им приписывалось. Особенно усердствовал (и теперь усердствует) в этом отношении — издававшийся раньше Аршиновым в Париже, а сейчас в Соединенных Штатах, журнал „Дело Труда“.

Претендуя на чистоту анархического идеала, добрая часть этого журнала отводилась площадной ругани по адресу газеты и журнала „Пробуждение“ и лиц, издающих эти органы. Все эти критики не останавливались ни перед чем в средствах борьбы. Доходили даже до того, что открыто призывали к физической расправе и полному бойкоту. Для них этика анархизма не существует и ей они не руководятся. Организации, издающие газету и журнал „Пробуждение“, долго обходили все эти неуместные нападки молчанием, полагая, что у анархистов есть более важная работа, чем взаимные обвинения и распри. Но, видя, что травля со стороны „аршиновцев“ не прекращается, организации на своем последнем съезде, состоявшемся 25 декабря 1929 г. в гор. Детройте и конференции журн. „Пробуждение“, решили выступить в печати с заявлением, что все выдвигаемые против них „аршиновцами“ обвинения ни на чем не обоснованы. Фашизм и монархизм — государственные понятия. Их нельзя мыслить без государства, основанного на строгом подчинении и насилии. Газета же и „Пробуждение“ никогда никакой государственной системы не защищали. Поэтому, приписывать им фашизм или монархизм можно лишь по незнанию или умышленно, сознательно. Так оно в действительности и есть. Одни обливают помоями газету и журн. „Пробуждение“ умышленно, а другие по неведению.

Поскольку речь идет о первых, не стоило бы тратить времени и энергии на доказательство (их нельзя убедить никакими доводами),

но что касается вторых, попавших в заблуждение, необходимо ради них сделать хотя бы краткий обзор русского анархического движения в Америке. Русское анархическое движение в Америке в значительной степени является отражением событий и настроений в России. Бушевала революция в России — процветало русское анархическое движение в Америке. Своего апогея оно достигло в 1918-1919 г.г. Движение тогда было настолько сильно, что была возможность издавать без объявлений ежедневную газету, еженедельный журнал и ежемесячный сборник. Как только начал падать революционный подъем в России, с этого момента начинается упадок анархического движения в Америке. Падение движения началось приблизительно в 1920 г., когда стало известно, что революцию в России большевики превратили в „великий обман“, который продолжается до сих пор (этого нельзя скрывать). Печатные органы, начавшие издаваться в период бурного подъема, очутились перед дилеммой или прекратить свое существование, или пойти на компромисс.

Большинство организаций избрало последнее, считая его меньшим из двух зол. Сначала в газету были допущены частные объявления, а затем заметки разных организаций и чисто колоннальный материал. Вот в этом и заключается весь „фашизм, монархизм и черносотенство“ газеты. Обстоятельства заставили пойти на уступки и „рассветовцы“ в этом попустительстве столько виновны, сколько виноват капитан, корабль которого оказался застигнутым бурей в открытом океане. Мы оказались застигнутыми на полпути черной апатией и вынуждены были взять обходный курс для того, чтобы продолжать свой путь. Но наша конечная цель от этого несколько не меняется. Мы ставим своей целью то же самое, что ставили во время бурного подъема.

Между прочим, считаем необходимым отметить, что те, кто нападает на газету и „Пробуждение“, сами прибегают к подобным же методам. Последний ном. „Дело Труда“ вышел без слов: орган анархистов - коммунистов. Вместо этих слов красуется: „Орган русских

рабочих организаций". Следовательно, противники газеты поступают точно так же, как и ее сторонники. Разницы никакой нет ни в принципе, ни в тактике.

Существующие разногласия базируются главным образом на личных недоразумениях. Американские противники газеты и "Пробуждения" сознательно вводят в заблуждение тех анархистов, которые живут вдали от Америки и незнакомы с местными условиями. Читая одну лишь критику, помещавшуюся на страницах "Дело Труда", в самом деле, можно составить весьма нелестное представление как о газете и "Пробуждении", так и об организациях, издающих эти органы. Но если бы кто-нибудь из тех анархистов, которые живут за пределами Америки и выступают против газеты и "Пробуждения", потрудились ознакомиться с подлинной американской действительностью, мы уверены, что им стало бы ясно, что ни фашизма, ни монархизма здесь нет, а есть вынужденные уступки действительности, на которые идут и якобы "идейные" противники газеты и "Пробуждения".

Однако, мы видим, что многие анархисты, живущие в Европе, просто не желают вникнуть в самую суть положения. Например: московские анархисты выступили против газеты и "Пробуждения" на основании аршиновских информаций, так как в России они не получали ни газеты, ни "Пробуждения". А сколько американские сторонники Аршинова наделали шума в "Дело Труда" относительно продажи наборных машин? Ряд лет они обвиняют рассветовцев в воровстве машин и есть много анархистов, которые готовы верить этим обвинениям.

Для того, чтобы положить конец всем этим обвинениям по поводу воровства наборных машин рассветовцами, мы приводим письменные решения организаций и пайщиков, которые были посланы на конференцию в 1927 г. 13 февраля, на которой специально решался вопрос, что делать с машинами. Письменные решения:

Гардфорд, Конн. Бывший союз в количестве десяти членов решил продать наборные машины и деньги передать "Рассвету" в Чикаго. Согласны передать машины обье-

диненцам (сторонникам Аршинова) с условием, чтобы федерация об'ед. анар. взяла на себя числящиеся долги за "Рассветом".

Г. Д. Севенюм.

Мериден, Конн. Русское Общество "Самообразование". Что сделать с машинами? Решило продать наборные машины и вырученными деньгами уплатить долг рабочим "Рассвета". Передать же федерации об'единенных анархистов мы тоже не против, если они согласятся уплатить долг рабочим "Рассвета". Но передать просто потому, что они, об'единенцы, этого хотят, то мы всецело против.

Р.О.С. (печать).

Бостон, Масс. Научно-просветительный С. Р. Р. Что делать с машинами? Решено продать наборные машины федерации с тем условием, чтобы федерация взяла на себя долг в таком размере, сколько приблизительно ценятся машины. Если же федерация откажется от какого бы то ни было долга, а будет настаивать только на получении машин, то продать таковые и уплатить в первую очередь тем орг-м и отдельным тов., которые дали деньги заимообразно на издание ежедневника. Если же организации и отдельные тов. давшие деньги заимообразно пожелают, чтобы раньше выплатить долг рабочим "Рассвета", то мы ничего не будем иметь против. Но только с их согласия, а не иначе.

Секр. П. Маскалюй.

(Печать).

Нью Британ, Конн. Наборные машины продать и деньги отослать в Чикаго на издание "Рассвета". Я согласен также передать наборные машины федерации об'ед. анар. с тем расчетом, чтобы они их употребляли и должны покрыть долг, числящийся за "Рассветом".

П. Брав.

Торонто, Канада. Пайщики. Собрание пайщиков состоялось 6 февраля 1927 г., на котором было решено продать наборные машины и вырученные деньги употребить на выплату долга рабочим "Рассвета" и членам или организациям, давшим заимообразно.

По поручению пайщиков

И. Гаврилюк.

Детройт. Профессиональный Союз. Что делать с машинами? По этому вопросу наш союз высказался единогласно за то, чтобы на

борные машины продать и выплатить долг рабочим "Рассвета". Другого выхода нет.

Секр. Н. Волжанин.

(Печать).

Детройт. Пайщики в количестве 28 человек на собрании решили продать наборные машины и уплатить хотя бы часть долга рабочим "Рассвета".

По поручению пайщиков

Н. Басенков. Е. Барташук.

Детройт. Наборные машины продать и уплатить долг рабочим "Рассвета". Но не передавать кому бы то ни было.

Две акции №765.

Н. Дубровин.

Форд Сити (Канада). Если конференция найдет нужным продать наборные машины, то надо выплатить долги, а остальные деньги выслать в Россию политическим заключенным.

Акция №724.

С. Тустаковский.

Детройт. Кооперативное Общество. Машины следует продать и вырученными деньгами покрыть долг рабочим при "Рассвете". Таким образом хотя часть долга снадет с наших плеч.

Секретарь И. Федорешин.

(Печать).

Чикаго. Русское Общество "Рассвет". На состоявшемся очередном собрании Русс. Общ. "Рассвет" (бывший Прогрессивный Клуб) 2-го февраля, на котором обсуждался вопрос на созываемую вами конференцию. Что делать с машинами? Пришли к такому выводу, что нет надобности иметь два имущества, на которые тратятся средства. Поэтому рекомендуем продать обе машины, если на таковые находятся покупатели. О вырученных средствах от продажи машин мы считаем преждевременным говорить, ибо на это имеют большее право пайщики, а также бывшие рабочие нью-йоркского "Рассвета".

Секр. Комов.

Чикаго. Я как пайщик приобретенных машин считаю нужным выразить свое мнение по вопросу: Что делать с оставшимися наборными машинами? Раз эти самые машины находятся в бездействии, то тут и речи не должно быть по моему мнению о том, чтобы они

оставались в таком бездействии. Разумеется, что в таком случае гораздо благоразумнее будет, если они будут проданы.

И. Волнов.

Детройт. Машины продать и уплатить долги, а остальные деньги выслать в Россию полит. заключенным.

Акция №786.

С. Терпигор.

Пикеринг (Канада). Я лично за то, чтобы машины передать "Рассвету" в Чикаго, если же они не нужны, то продать таковые и уплатить долг рабочим "Рассвета".

Пайщик **И. Усатый.**

Детройт. Русское Прогрессивное Общество. Что делать с машинами? Собранием решено продать и деньги употребить на выплату долга рабочим "Рассвета".

Секр. А. Максимюк.

Ст. Луис и Медисон. Союз Русских Граждан. Что делать с машинами? Если в таковых не нуждается "Рассвет" в Чикаго, то продать машины и выплатить долги, сделанные еженедельником "А. И." и "Рассветом".

Секр. К. Засимович.

Кливланд. Передать машины целиком федерации об'ед. анар., если они согласятся взять на себя ответственность за них.

А. Шуров.

Чикаго. Мое мнение продать наборные машины в Нью Йорке и уплатить долг рабочим "Рассвета".

Акция №753.

А. Луфаренко.

Пибоди. Мое мнение машины не продавать, а передать федерации об'ед. анар. с тем условием, что федерация должна уплатить часть долга.

К. Зеленюк.

Монтреал (Канада). Мы, Союз Российских Тружеников гор. Монтреала, как пайщики этого имущества, обратили наше серьезное внимание. На деловом собрании обсуждали следующее: передать машины федерации об'единенных анархистов. Долги же должны выплатить рабочим, сделанные во время издания еженедельника те, которым передадутся машины.

Секр. Д. Душин.

(Печать).

Юнгстаун. Союз Росс. Тружеников решил передать машины федераций об'ед. анархистов.

(Печать).

Акрон. Группа Анарх-Комм. Принимая во внимание, что наборные машины были приобретены анархич. движением, то мы стоим за то, чтобы они были переданы в руки федерации анархо-комм. Групп С. Ш. и Канады.

Секретарь Лычак.

Нью Йорк. Рабочий Союз "Самообразование", два делегата принимали участие на конференции и оба высказались за продажу наборных машин согласно решению организации.

Нуарк. Союз Российских Тружеников. Точно также два делегата принимали участие на конференции и оба были того мнения, что бы наборные машины продать согласно решению своей организации.

Елизабет. Группа "Самообразование". На конференции принимал участие один делегат и был за то, чтобы наборные машины продать согласно решению группы.

Балтимор. Общество "Самообразование". Мы против передачи одной наборной машины единым без всяких обязательств в выплате долга. Это недопустимо.

(Печать).

Пибоди. Машины немедленно нужно продать и этими деньгами покрыть хотя часть долга рабочим.

Пайщики:

Д. Гнесь, П. Лешник, Н. Найден, В. Хильчун.

Спрашивается: можно ли рассветовцев обвинять в воровстве наборных машин? Приводимые выше письменные документальные данные, имеющиеся у нас на руках, свидетельствуют о том, что рассветовцы решительно ни в чем неповинны. Одиннадцать организаций и 45 пайщиков определенно высказались за продажу наборных машин, если федерация об'единенных анархистов не согласится взять на себя хотя бы часть долга, а будет претендовать на получение машин.

На конференции в Нью Йорке, которая состоялась 13 февраля 1927 г., делегаты от федерации об'единенных анархистов категорически заявили, что они отказываются взять на себя выплату долга. И если рассветовцы продали наборные машины, то они на это имели моральное право. Рассветовцы исполнили волю и решения организаций и пайщиков, которые были фактическими хозяевами наборных машин, а не кто иной. Было бы гораздо благоразумнее, чтобы определение действий во всех отношениях оценивалось не по словам, а по делам.

Мы заявляем, что Аршинов своим органом "Дело Труда" внес деморализацию и дезорганизацию в русское анархическое движение в Соед. Штатах, так и в Южной Америке. Это факт, против которого аршиновцы могут спорить, но никогда не сумеют опровергнуть и доказать свою правоту.

Федерация Русских Культурно - Просветительных организаций в Америке.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

В статье Моравского на странице 57, в первом столбце, в 9 строке сверху напечатано: бестрашные бойцы; следует читать: бестрашные. На стр. 58 в первой строке: примечения; следует читать: примечания. На стр. 59 в последней строке первого столбца: за их шаги; следует читать: за их связи. Во втором столбце в строке 26: во преки; следует читать: вопреки.

Как относятся анархисты к платформе и платформистам.

«Свобода не — дочь, а мать порядка».

П. Ж. Прудон.

«Свобода — неделима. Нельзя урезать часть, не убив целого».

М. А. Бакунин.

«Освободите личность. Без свободы личности нет свободного общества».

П. А. Кропоткин.

«Если для того, чтобы победить, необходимо было бы ставить гильотины, я бы предпочел быть побежденным».

Эрико Малатеста.

«Мы должны отказаться от нашего фанатизма, если мы не хотим увидеть фашизм развивающимся в наших рядах».

Манс Нетлау.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.

«Группой Р. А. Содействия «Делу Труда» в Б. А. были присланы в Исп. Ком. Федерации Р. Р. О. Ю. А. «Извещение» и «Декларация» с просьбой дать наше мнение об их принципиальных положениях и их работе.

Создание группы для анархической пропаганды могло бы только порадовать анархистов и безвластников; но, к великому сожалению, в данном случае, радоваться анархистам и безвластникам есть мало чему. Первое — потому, что эта «группа содействия Д. Т.» есть та же группа «Бунтарь», но почему то переименованная; второе, что «Г. С. Д. Т.» ведет ту же линию, как теоретическую так и тактическую, которая не мало вреда и зла принесла уже анархическому движению и самой Федерации. На страницах «Г. Т.» приходилось, к великому сожалению, уже неоднократно останавливаться на этом. А главное это — то, что «Декларация» этой группы не только есть не больше как сумбурное и более невыдержанное переложение «Платформы», но есть еще прямое оскорбление и издевательство над анархизмом.

Но пусть лучше говорят факты. В области их методов их лучшие всего характеризует ответное письмо к ним Союза Рос. Раб. на Виза дель Серро в Монтевидео:

«В группу Р. А. содействия Д. Т. в Б. А.

«В ответ на ваше письмо от 24-1-30, которое читалось на деловом общем собрании союза от 8-2-30.

«Мы видим из вашего письма, что вы задались целью в скором будущем издавать «Анархическую газету», что в принципе подобного рода начинания мы приветствуем. Но тактику вашу, которую вы применяете в своем деле, мы не можем приветствовать, потому что она ничем не отличается от тактики большевиков.

«Настоящим доводим до вашего сведения, что корреспонденция, которой вы так восхищаетесь, далеко не могла бы заслуживать внимания в глазах истинных революционеров и борцов. Ведь, прежде чем восхищаться, нужно узнать — правда ли это.

«За это «обращение» давали свое согласие симпатизанты «Дела Труда» и большевики, которые в то время были членами союза и цель которых была разрушить союз. Сторонники федерации и Г. Труда и симпатизирующие были против этого решения и есть. Часть сторонников федерации к сознанию не присутствовали тогда на собрании и поэтому был использован момент и... вопрос решился в пользу анархо-большевиков.*).

«Если бы цель ваша была действительно благородная, то вы свою работу должны были бы начать не с союзов, входящих в состав федерации, а с рабочих неорганизованных.

«Вы говорите, что если нашему «примеру» последуют все союзы, входящие в федерацию, то вы в скором будущем сможете выдвинуть по вашему направлению мощную, «федерацию» в Южной Америке.

«Ну, а если не последуют вашему «примеру» все союзы, то что тогда с вами станет?»

«Имейте в виду, товарищи, что как большевизскую тактику тяжело переживать всем сознательным рабочим, так же тяжело переживать и тактику вашу.

«Ваше письмо, лежащее перед нами, есть прямое нападение на федерацию Р. Р. О. Ю. А. и прямое оскорбление товарищей работавших над созданием таковой и тех, кто поддерживают ее до сего времени.

*) Вопрос идет о предложении слить Дело Труда с Голосом Труда и т. д. (примеч. Исп. Ком.)

«Р. S. Прочитано и принято общим деловым собранием 8-го февраля 1930 года.

«По поручению Союза, Секретарь (подпись и печать)».

Письмо это в комментариях не нуждается. Но что важно указать, это — то, что таковые явления и таковая тактика среди приверженцев платформизма — вещи не случайные и довольно частные.

Вот хотя бы один пример еще. Некоему С. Володькину из Чикаго открываются страницы «Дела Труда», Аршинов дает к его брошюре предисловие, в котором грязнит целый ряд анархистов... А по имеющемуся в распоряжении товарищей в Аргентине фотографическому снимку с трех страничек письма С. Володькина, личность Володькина вырисовывается в довольно несимпатичном виде.

Но приведем лучше выдержки из этого письма и пусть товарищи и читатели сами судят об остальном. В письме много раз употребляется выражение, которое мы вынуждены обозначить только первой буквой, настолько оно — омерзительно звучит для всякого честно мыслящего человека.

«...если мы перенесем Рассвет в Чикаго, то не смогут ли помешать евреи созданием новой русской газеты? Но теперь это видно по Шеймановскому «Вестнику» что нет. Если бы они и создали таковую, то в сравнительно короткое время подошли бы. Русская колония гор. Чикаго несомненно лучше отнесется к «Рассвету», чем она относится к «Вестнику».

«Сейчас, например, вся русская колония гор. Чикаго называет «Вестник» ж... газетой. Читают ее лишь потому, что привыкли к болтовне ж...ка Ш. и что другой газеты нет.

«Здесь имеется масса религиозных монархического и узко национального взгляда людей. «Вестника» они не читают, так как считают его ж...им, и конечно в этом они не ошибаются...

«Сегодня я получил письмо от одного местного монархиста, бывшего шахтовладельца Екатор. губ. Он пишет: «я совершенно не разделяю направление Вашей газеты «Р», но я не вижу никого другого, кто может из-

бавить русскую колонию от евреев — ж... кроме Вас.. Почему Вы не переносите «Р» в Чикаго? Чего Вы ожидаете? Чтобы «Р. В.» совсем перешел в руки ж...? В крайние правых кругах люди того мнения, что лучше анархисты не русские, чем ж.....

«На деловом собрании у нас поднимется вопрос о покупке «Вестника». И если нам будет возможность откупить по сходной цене, то Вы там тоже старайтесь склонить товарищей на то, чтобы перенести «Рассвет» в Чикаго. С. Володькин».

Эти документальные данные о практике платформистов настолько ясно и определенно говорят сами за себя, что их комментировать было бы просто бесполезной тратой времени.

Что же касается «Декларации» группы содействия «Д. Т.», то, во первых, просто изумительно, зачем нужно было передергивать Платформу, да еще в таком сумбурном виде; а во вторых, непостижимо, как люди, называющие себя анархистами, могут делать такие несуразные и голословные, принципиальные и исторические утверждения, даже не постаравшись продумать ни своих идей, ни своих утверждений.

Вот пара примеров:

Авторы декларации призывают всех тех, „что последуют за основными принципами анархизма, его основоположников, как то: Годвина, Прудона, Бакунина, Кропоткина и других“.

Но ведь Годвин не был коммунистом и был реформистом; Прудон признавал индивидуальную собственность, был анти-коммунистом (коммунизм даже считал всеобщей нищетой), анти-революционером - реформистом и проповедывал анархический мугуализм; Бакунин же хотя и был анархистом - революционером, но коллективистом и только Кропоткин — коммунистом - анархистом; причем интересно узнать, что одним из основоположников коммунистического анархизма был никто иной как Малатеста. „Другие“ же: Малатеста, С. Фор, Макс Неттлау, Фабри, Ж. Грав, М. Корн и т. д., и сами довольно ясно и определенно высказали свое отношение к Платформе. Все эти анархисты, и даже Кропоткин, писали достаточно, уже принимая во внимание опыт русской революции.

И, может быть, если бы авторы «Декларации» и «Платформы» были более знакомы с теорией и практикой анархизма и с выводами, которые анархисты сделали из опыта русской революции, они не позволили бы себе так извращать анархизм и так разлагать анархическое движение.

Ибо их утверждения, что стремление анархистов, чтобы «идея анархизма была знаменем масс и их руководящей силой»... «всегда остается одной лишь мечтой, при настоящей шаткости и противоречивости анархизма», или «что современный анархизм бессилен идеологически и политически сгруппировать массы вокруг идей и лозунгов анархизма», или даже их призывы «коллективно разрабатывать идеологические, теоретические анархические положения...» (Декларация, стр. 2—3), являются только повторением того, что все время твердили и твердят большевики об анархизме и анархистах. Приведем, как пример, выдержку из письма рабочего коммуниста из России, от 11 августа 1926 г. «Ведь мы такие же коммунисты, как и ты, идем к безклассовому и безгосударственному обществу, как и ты. Только исходя из реальных соотношений классовых сил, мы в переходный период сохраняем государственную, но классовую организацию для верного и быстрее подавления и перерождения враждебного класса и отсеечения и изживания деклассированных элементов внутри нашего же класса. Цель наша — одна и та же, только способы достижения другие...» Этот рабочий коммунист, как и некоторые именующие себя анархистами, забыл только самое важное из анархизма: что жандармом и нагайкой воспитать свободного человека, способного жить в свободном обществе — невозможно.

И действительно был прав Малатеста, когда писал о платформистах в своей статье: «Анархизм и Организация», Г. Труда № 284, следующее: «...что анархия... будет квалифицироваться неанархистами как неосуществимая утопия, или же осуществимая только в очень далеком будущем — это понятно; но непостижимо, чтобы те, которые исповедуют анархические идеи и хотели бы осуществить анархию, или, по крайней мере,

серьезно приблизиться к ней уже сегодня, — чтобы эти самые люди отрекались от основных принципов анархизма в той организации, где они хотят бороться за их торжество».

(Окончание следует)

МОЛЕНИЕ НА ЗАРЕ .

И. Черному

В одеждах пламенной зари
Дух Бодрой Воли и Веселья,
Ты, бурнопьяный, воцари
В уютном человеческом теле!
И там бесчинствуй и бушуй,
Сними запрет с телесной ткани,
Под взрыв угрозных аллилуй
Зажги в сердцах огни восстаний...
И сделай так, чтобы мир бурлил,
Подобно пламени и лаве,
А люди хищно, как орлы,
Стремилась к безначальной славе.
Чтоб всяк отважно загорел
В лучах борьбы своей суровой
И окунал бы на заре
В стихию жизни лик багровый.
Я в эту девственную рань
Благословлю тебя, стихия,
Приду, как трепетная лань,
В твои объятия глухие
И черной порослью волос
Вплетусь в огонь зари всходящей,
Молясь о том, чтоб Дух Мой рос
Над темной человеческой чащей.
Чтоб Дух Мой рос, тучней и креп,
Чтоб он в дерзаннях был нескромен.
Пусть в массе человек нелеп,
Но в единичном он огромен.
Он многомощен, многолик
И многомудр, и многозвучен,
Когда несет свой светлый лик
Во тьму космических излучин.
Туда, где вечности река
Свои блестящие извивы
Роняет в спящие века
И в омут смерти похотливой.
Там Человек безмерно-горд,
Схватив рукой Венец Вселенной,
Срывает маски с рабских морд,
Бросает богу вызов тленный.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

О том, как врут.

В "Деле Труда" №58-59 появилась слезинка К. Гордеенко. Плачется этот человек на то, что я не только обидел его, но и погубил и "привел к окончательному упадку и разорению русское анархическое движение в Америке".

По Гордеенко выходит, что все зло заключается в моей персоне. Не было-бы меня в Америке, и все было-бы благополучно в анархическом движении. Оно развивалось-бы вопреки роковому стечению таких обстоятельств, как неудачный ход русской революции, породившей упадочные настроения в рабочей среде; как палмеровские погромы, уничтожившие организации, приведшие к массовым депортациям активных работников революционного движения, обескровившие последнее и т. п.

Все эти причины, по Гордеенко, являются только приводящими; главная-же причина "разорения" анархизма — это какой-то чудовищный Гайдук, которого, кстати сказать, ревнитель анархического движения Гордеенко сам же привлек к сотрудничеству в ежедневной газете "Американские Известия" как раз во время III-го Общеколонизального съезда, почти 10 лет тому назад.

Гордеенко, конечно, врет, заявляя, что "сотрудничество Гайдуга было принято условно, как постороннего наемного работника, не имеющего никакого отношения к редакции".

В действительности-же дело обстояло так: с первого-же дня на мои плечи была взвалена самая ответственная в редакции работа — фанктического редактора, в то время как номинальным редактором продолжал считаться Гордеенко.

С первого дня моей работы в "Американских Известиях" вплоть до закрытия их я изо дня в день писал бодрные, двухколонные передовые и, по меньшей мере, еще одну статью на злобу дня. Редакествовавший же Гордеенко никогда ни одной передовой статьи не написал, ибо он не

только передовых, но даже слабеньких статей на злобу дня писать не умеет и не может. Статьи на злобу дня писал Михайлов, а страницу новостей вел Мураев.

Мы троим, т. е. я, Михайлов и Мураев, исполняли всю главную редакционную работу; Гордеенко-же разыгрывал роль "вольноопределяющегося", проще говоря, — бездельника, сидя в своем отдельном кабинете и разыгрывая роль "очень занятого" человека.

Ежедневник "А. И.", вследствие финансовых затруднений, прекратил свое существование. Газета задолжала порядочную сумму рабочим, в том числе и мне (мне значительно большую, нежели Гордеенко).

Гордеенко устраивается организационным секретарем, собирает фонд на погашение долгов, сам себе выплачивает долг и даже прикарманивает при выплате наборных машин порядочную сумму.

Это воровство установлено документально Исполн. Комитетом, на который Гордеенко в своем пасквили и нападает за это.

Запасившись капиталом, Гордеенко удирает из Нью-Йорка в штат Коннектикут, где он гонит самогон и предается беспробудному пьянству.

Почти 10 лет Гордеенко занимался випокурсием в штате Коннектикут, нигде в организациях не появлялся, и ничем, кроме выпивки, не интересовался. Теперь он опять появился на свет божий, или вернее — его разыскали его друзья - собутыльники, С. Володькин и И. Волков, на роли пасквилянта в "Деле Труда", которое оказалось в руках этих матерых склочников, черносотенцев и злостных антисемитов.

Я "выкрал документы" и написал небольшую книжку "Утюг". Гордеенко только забыл упомянуть, что в этой книжке я разоблачил работавших в "Утюге" антисемитов. К моему большому удивлению, я нашел подобных же рыцарей человеконенавистничества и среди некоторых "анархис-

тов", являющихся теперь издателями и вдохновителями аршиновского "Дело Труда".

Прошенный мне упрек в "личной выгоде" не выдерживает никакой критики. Работая уже около десятка лет за мизерное жалование, едва хватающее на жизнь, я к тому еще не всегда его получаю. Гордеенко ухитрился получить свой долг до копейки за работу в Нью-Йорке, и еще украсть малую толику, в то время, как моих там пропало около 400 долл. В Чикаго мне тоже задол-

жали и неизвестно — получили я мой долг, или с ним случится то-же, что и с пью-порским.

Работаю я в газете во всяком случае не по материальным соображениям. Это не такое прибыльное дело, как винокурение, которым занимается Гордеенко, с пьяных глаз пишущий пакостные пасквили. Посмотрим, умеет-ли он и будет-ли он в качестве редактора "Д. Т." пропагандировать анархические идеи?

М. РУБЕЖАНИН.

Честь и совесть потерявшие.

Чикагские „аршиновцы“, наконец, получили полную возможность упражняться в подзаборной брани. Пока журнал „Дело Труда“ выходил в Париже, их цензурная притя до некоторой степени умерялась и сглаживалась рукой редактора, окончательно не бывавшего литературной этики. Теперь же, с перенесением издательства „Дело Труда“ в Чикаго, — они сами редактора, а поэтому... размахнись рука, раззудись плечо... Помойные брызги летят во все стороны. Что ни страница — брань, что ни строка — площадная ругань. И читая все это, кажется, что находишься там, где обитают пропойцы и женщины легкого поведения.

Ругаются все: сотрудники, корреспонденты, но „редакционная коллегия“ всех их за пояс заткнула. С первых же шагов своей „редакционной“ деятельности она „единственный анархический орган“ (как часто любят выражаться „аршиновцы“) превратила в настоящую помойную яму.

В своем примечании к „статье“ Гордеенко „редакционная коллегия“ направила свой отравляющий атмосферу поток против меня. Ей показалось, что Гордеенко недостаточно меня лягузд и поэтому она, давно удостоившаяся первого приза по части пасквилей, решила еще раз показать, что для нее анархизм и хулиганство — одно и то же.

В чем же обвиняет меня „редакционная коллегия“, состоящая из Волкова, Водюшкина и Ко? А вот в чем: в том, что я получаю жалование, работая в „Рассвете“. Видите, какое „серьезное“ обвинение! Оказы-

вается, я виноват, что мне, как и каждому человеку, нужна пища, квартира, одежда (чего в современном строе без денег нельзя получить). „Редакционная коллегия“ забывает, что ее члены, когда работали в „Рассвете“, не только получали жалование, но тайно прикарманивали деньги (полагая, что „идейному анархисту“ все возможно), за что и были отстранены со скандалом от занимаемых ими должностей. Точно также забывает „редакционная коллегия“, что много лет я работал совершенно безвозмездно в „Болне“ и других анархических изданиях.

Все забыли в своем увлечении ненавистью. Не помнят, что если я работаю в „Рассвете“ и получаю жалование, то по их же вине. Я совсем не намеревался ехать в Чикаго после перенесения издания „Рассвета“ из Нью-Йорка в Чикаго. Думал остаться в восточных штатах, даже обеспечил себя уже работой. Но члены нынешней „редакционной коллегии“ „Д. Т.“ потребовали, чтобы я непременно приехал (ибо знали, что если взять в „Рассвет“ другого человека, то ему нужно регулярно платить еженедельное жалование, а Автономов, дескать, не бросит работы, если неделю-другую не получит жалованья). Я приехал и... оказался виновным за то, что послушался Волкова и Ко. Где же тут логика? „Логика“, впрочем, есть и заключается она в следующем: после моего приезда в Чикаго нынешние „редактора“ „Д. Т.“ всеми силами старались, чтобы я остался слепым орудием в их руках. Кормили, поили, на автомобилях катали — только защищай их точку зрения! Но, убе-

дившись в нечистоплотной работе Волкова, я решительно отмеживался от них. Вот за это я и удостоился „понуры свиньи“, „плута“ и т. п. эпитетов, недопустимых не только в анархической печати, но даже в бульварной прессе. Своим аршином „аршиновцы“ привялись других мерить.

До сих пор я молчал, никогда не выступал против чикагских „аршиновцев“, полагая: поают, поают и перестанут. Но лай не прекращается, наоборот, усиливается. Молчать дальше нельзя... В следующих номерах „Пробуждения“ я выведу на чистую воду главного вдохновителя этих, честь и совесть утерявших, людей, на котором лежит много всевозможных подозрений. Сейчас же лишь добавлю, что „редакционная коллегия“ умеет не только площадной бранью ругаться, но и лгать самым беззастенчивым образом. „Редакционная коллегия“ обвиняет меня в том, что я вел разговор с комиссией Прогрессивного Клуба относительно нью-йоркских наборных машин и что резолюцию филаделфийской организации послал „барину“ Кулю. Я заявляю, что все это ложь. Ни с какой комиссией от Прогрессивного Клуба я не разговаривал по поводу нью-йоркских машин и до сих пор не знал, что в Прогрес-

сивном Клубе имеется такая комиссия. Разговаривал я однажды об этом с Володькиным, весь вечер ругавшим евреев, и сказал ему все то, что знал относительно наборных машин. Никаких резолюций Кулю не посылал. К. Засимович, теперешний соучастник издания „Д. Т.“, тогда работал секретарем в „Рассвете“ и знает, что резолюция была отослана не Кулю, а назад в Филадельфию. Обменявшись несколькими письмами с филаделфийскими товарищами (прежде возвращения резолюции), мы уладили этот вопрос мирным путем и до сих пор филаделфийские товарищи не протестовали против ненапечатания их резолюции в „Рассвете“.

Просто непонятно, зачем „редакционной коллегии“ понадобилось это искажение действительности. А быть может, в этом — клевете и ругани — заключается весь их „анархизм?“ Ничем другим по крайней мере они себя до сих пор не проявили. Сквернословили в „Чикагском Отделе“ (пока „Рассвет“ издавался в Нью Йорке), а сейчас сквернословят в „Д. Т.“ Треплют на все лады светлое имя анархизма, богохульствуют, забывая, что от подлинного анархизма до хулиганства дистанция огромного размера.

Автономов.

PRO DOMO SUA

Первый номер возобновившегося в Америке аршиновского журнальчика „Д. Т.“ произвел на меня, в общем, благоприятное впечатление. Правда, содержание этого номера было очень убогое, статьи были написаны не то по-русски, не то по-турецки, но несмотря на это, в этом номере было и нечто хорошее. Это нечто хорошее заключалось в том, чего в нем не было — в отсутствии площадной брани, хулиганских выкриков и злостной клеветы на тех людей, которые осмеливаются мыслить не по-аршиновски.

Просмотрев этот номер журнальчика, я невольно подумал: наконец-то, аршиновские „стопроцентные анархисты“ — бойцы перестали поевать с рассветовцами и пробужденцами и объявили войну капиталу и власти. Что журнальчик убогий и безгра-

мотный, — думал я, — это не большая беда: новые редакторы посидят немного над русской грамматикой, — пригласят толковых и грамотных сотрудников — и после этого журнал станет приличным и его начнут читать рабочие и интеллигенты.

К сожалению, мои предположения не оправдались. Второй номер (58-59) этого журнальчика свидетельствует о том, что каким он был в Париже, таким будет и в Америке. И вспомнил я после ознакомления с содержанием его два стиха из басни Крылова „Крестьянин и змея“:

„Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же“.

Так случилось и с аршиновским журнальчиком: перепоз он из Парижа в Америку, переменял свою кожу, но дух его — все тот же. Перемена его кожи заключает-

ся в том, что вместо Аршинова его редактируют верные аршиновские холопы, и что вместо прежнего подзаголовка: "Орган русских анархистов - коммунистов" — красуется оскорбляющая всех рабочих надпись: "Орган Федерации русских рабочих организаций". Но почему они переименовали подзаголовки, сказать трудно. Очень возможно, что эти бестрашные бойцы убоялись властей, но возможно и то, что они уразумели в конце-концов, что им не подобает называть себя анархистами.

Второй номер этого журнальчика еще более убогий и безграмотный, нежели первый. Для первого номера они пригласили со стороны корректора, а второй номер вышел без всякой корректуры. А поэтому, как безграмотно были написаны "статьи", так они и напечатаны в нем. Но и это еще не беда. Вся беда заключается в том, что в этом номере новая редакция показала "свое собственное" безличное лицо и свой собственный кабацкий язык. Правда, редакция не сумела написать для журнальчика даже небольшой редакционной статьи, но зато она сумела написать примечание к статье Гордеевского "О том, что было".

В этом примечании очень ярко проявились все духовные качества новой редакции.

Читая это примечание, каждый человек увидит, что новые редакторы где-то хорошо изучили язык проституток, громил и хулиганов, а другого языка не знают.

Нищие когда-то говорил, что с горбатым надо говорить по горбату. Я, к сожалению, не могу стать на его точку зрения и не могу отвечать им их собственным языком. Пусть этот язык будет их достоинством, их священной собственностью.

В своем примечании новые редакторы "разоблачают" Карника и меня. Я надеюсь, что у Карника изсякнет источник его христианского смирения и он придет к заключению, что не всегда можно и должно подставлять правую щеку, когда бьют по левой, ибо бывают иногда такие обстоятельства, что на один удар должно отвечать двумя ударами. Поэтому то я не буду вы-

ступать в защиту Карника, а скажу несколько слов только в защиту самого себя.

Наследники Аршинова пишут обо мне следующее:

"Моравский - Эрманд никогда не был анархистом - революционером, это мистик и сторонник Бердяевской " философии неравенства". Раз'ездная деятельность по анархическим организациям в Америке, наложила свой отпечаток его извустской работы. Если Моравский, во время своего раз'езда, в том или ином городе, попадал в здоровую анархическую среду, то он: или старался переделать ее путем тайных лекций на свой мистический лад, или, если среда ему не поддавалась, то он старался ее разрушать. Теперь, согласно заявлению местной прессы, Моравский является членом и представителем от газеты "Рассвет" и конечно жур. "Пробуждение" в Бюро Печати Русско-Американского Клуба, с'организовавшегося в Чикаго с церковно-монархических организаций и приходов. Декларация этого клуба гласит, что клуб вступает в связь с штатными и федеральными учреждениями. Такое открытое объединение Моравского с монархическим элементом штатными и федеральными властями определенно говорит за то, что выравниет его только могила".

Редакторы, как видит читатель, обвиняют меня в том, что я "никогда не был анархистом - революционером" и что я — мистик и сторонник "философии неравенства". Очень возможно, что я никогда не был сто-процентным революционером, хотя принимал участие в русской революции и несколько раз сидел в тюрьмах. Но меня удивляет в данном случае то, что редакторы ничего не говорят о том, когда они были "анархистами" и что они сделали для дела революции. Насколько мне известно, они никогда не были ни настоящими анархистами, ни настоящими революционерами. Один из них, С. Володькин, является определенным антисемитом, но это ему несколько не мешает называть антисемитами других людей. Этот же Володькин является, по всей вероятности, и главным сочи-

нителем прамечения. Если Володькин скажет, что я говорю неправду, то я в любое время сделаю фотографический снимок с этого его письма о евреях, имеющегося в моем распоряжении, и опубликую его в печати. Что же касается "философии неравенства", то в этом правы редакторы. Если речь идет о таких людях, каковыми являются эти редакторы, то я не стремлюсь к равенству с ними ни в области личной жизни, ни в области общественной. Я не равен им и не хочу быть равным, ибо я стремлюсь к равенству в свободе и культурности, а они стремятся к равенству в хулиганстве и хамстве.

Никаких организаций я не переделывал "на свой мистический лад", и не разрушал их. Если бы редакторы обладали хотя каплей логики, то они поняли бы, что человек может переделать когонибудь на свой лад только тогда, когда на его стороне истина. Если же он неправ и здоровая среда ему "не поддается", то он никоим образом не может ее разрушить. Если же она подвергается разрушению, то она является не здоровой, а совершенно гнилой. Свою мистику я никому не навязывал и никогда не читал о ней лекций. Точно также я не "пролезал" ни в какие организации, ибо у меня нет и сотой доли того нахальства, которым обладают редакторы. Я шел только туда, куда меня звали.

Что же касается Русско - Американского Клуба, то я состою в нем не в качестве представителя "Рассвета" или "Пробуждения", а в качестве частного лица. Во-первых, я не редактирую сейчас ни "Рассвета", ни "Пробуждения", а поэтому и не могу выступать где бы то ни было в качестве их представителя. Во-вторых, я нигде и никогда не представляю никого по принципиальным соображениям и не желаю угодничать в этом отношении разным демагогам, подобным редакторам журнальчика и большевикам, называющим себя "пролетариатом" и выступающим всюду от имени "пролетариата" или от имени каких-то мифических рабочих организаций. Я всегда и всюду выступал и выступаю от своего име-

ния и представляю только себя. Я не представляю также из непогрешимости и не пытаюсь заставить людей делать то, что делаю я.

В клуб я вступил исключительно потому, что считаю его цели хорошими. Клуб является организацией аполитичной, а поэтому в нем не может быть ни монархической, ни большевистской, ни иной, враждебной мне, агитации. Цели его таковы (см. "Рассвет" от 15 июля):

"1. Солижение русских с американцами на почве культурной через ознакомление и изучение английского языка, науки, техники, искусства, американских условий жизни, истории страны, законов, нравов, обычаев и т. д.

2. Распространение русского языка, музыки, пения, театра, литературы в американском обществе.

3. Культурно - просветительная работа в русской колонии в полной кооперации с другими организациями и учреждениями того же характера и с русской прессой в С. Штатах.

4. Школьное образование для членов клуба, их семейств, а также и для всей русской колонии по возможности.

5. Сотрудничество с американцами в жизни общественной и экономической в духе взаимного уважения, понимания и кооперации.

6. Бесплатная первая помощь в области юридической и медико - зубо-врачебной для членов клуба и их семейств. Защита их интересов во всех американских эмиграционных, гражданских и судебных учреждениях.

7. Бесплатное бюро Труда для членов клуба и их семейств, пособия, устройство в общежития и т. д.

8. Материальная помощь нуждающимся членам клуба".

Для этого, говорится в уставе, "Клуб вступает в связь со всеми русскими и американскими культурными, общественными, штатными и федеральными организациями и учреждениями, а также с бюро Труда промышленных и торговых компаний для облегчения и улучшения духовной и матери-

альной жизни своих членов и всей общины".

Редакторы, однако, не указали целей клуба и ничего не сказали о том, на какой почве клуб будет вступать в связь с американскими штатными и федеральными организациями и учреждениями, а привели из устава только одну строку о том, что клуб "вступает в связь с штатными и федеральными учреждениями". Само собой разумеется, что клубу придется иногда вступать в связь с американскими организациями и учреждениями, как например, с конторами труда, с культурными обществами, с отделами образования и другими организациями. Волей-неволей, ему придется обращаться, для защиты своих членов, даже к судебным властям, ибо если человек получит увечье на работе или будет арестован без всякого основания, то его дело будет рассматриваться в судах, а не на железнодорожных вокзалах или в кабинетах хиропракторов и похоронных бюро, как думают, очевидно, новые редакторы журнальчика. Медицинская помощь тоже оказывается людям не малярами и не политическими организациями, а городскими лечебными заведениями. Отсюда видно, что клуб будет вступать в связь с соответствующими учреждениями для оказания помощи своим членам только в тех случаях, в которых нельзя обойтись без этих учреждений.

Я несколько не сомневался в том, что и сами редакторы, эти „стопроцентные“ анархисты, часто вступают в связь со „штатными и федеральными учреждениями". Если они покупают дома и земельные участки, или выискивают с работодателя заработную плату, они обращаются к адвокатам и судам. Если им должники не уплачивают в срок денег, они тоже прибегают к услугам адвокатов и угрожают должникам судами, как это делал в свое время другой из редакторов в отношении "Рассвета".

Они прибегают также к услугам банков, школ, городских дум и других государственных учреждений, но мне никогда не приходила в голову мысль "разоблачать" их за их шаги с различными штат-

ными и федеральными учреждениями. Мне известно также, что многие из таких "стопроцентных" анархистов приписывают даже американское гражданство, но я этому явлению, считаясь с нынешними обстоятельствами, я не придавал большого значения.

Таковы эти безличные и безидейные люди, называющие себя стопроцентными анархистами и революционерами. Все это не мешает им, однако, "разоблачать" других и обвинять их в разных преступлениях.

В заключение должен сказать, что клуб не создан из церковно - монархических организаций. В клубе совершенно нет монархистов. В него входят главным образом рабочие. В нем имеется не больше 3-4 интеллигентов. А среди рабочих работают, надо полагать, и сами редакторы, если они выступают от их имени. Но если бы, в крайнем случае, в клубе и появился монархист или большевик, то этого я не боюсь: во-первых, он не был бы в состоянии заниматься в нем своей политической работой; во-вторых, я не потерял бы от этого своих убеждений; в третьих, он меня не сел-бы. А если бы, вопреки уставу, клуб начал заниматься той или иной враждебной мне пропагандой (монархической или большевистской), то мне никто не помешает выйти из него. Состоит же, ведь, многие анархисты членами в обществах взаимопомощи, в кооперативных обществах, в культурных и других организациях, в которых имеются и монархисты, и социалисты, и большевики, и религиозные люди, но они от этого не потеряли своего лица и никто на этом основании не обвиняет их в том, что они стали монархистами либо большевиками. До этого додумались только безграмотные всезнайки из "Д. Т." Поэтому то они и проявляют в самом широком масштабе свою демагогию и свой кабацкий язык, особенно в том месте, где они "разоблачают" Карлика.

И если речь идет об "выравнинии" с ними, то они правы, когда говорят, что меня "выравниет" с ними "только могила". При жизни же у меня нет и никогда не будет желания выравниваться с разными хулиганствующими людьми.

Е. Моравский.

Мелкие заметки и сообщения

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ АНАРХИСТОВ В СССР.

Окончившие срок заключения на Соловках В. Махонин, Николай Туманов и М. Личковский сосланы на три года в Сибирь.

Молодые товарищи Виктор Сергеев, Владимир Егоров и Костя Андреев, арестованные за хранение старой анархической литературы, приговорены к 3-ом годам заключения в Верхне-Уральском политизоляторе.

В. В. Коляда - Коростелев, проживавший раньше в Чикаго и Балтиморе (индустриалист), после отбытия заключения на Соловках, сослан на три года в Обдорск (Уральская область).

Итальянский анархист Франческо Гецци посажен в темный карцер в Суздальском политизоляторе.

Находящийся в том-же политизоляторе Николай Рогдаев опасно заболел.

В Ленинграде, 4-го сентября, скончался старый товарищ Дмитрий Назимов (Дядя Ваня Питерский).

Скончался молодой анархист-писатель Сергей Семин. В течение 6-ти лет советская власть его травила и держала в ссылке и в тюрьмах. Семин писал книгу о Бакунии и жаловался на невозможность достать необходимые материалы в советских условиях.

В Одессе арестован и сослан в с. Самарово, Уральской области, молодой анархист Л. Б. Вайнберг. Его мать умерла с голоду, лишившись помощи сына.

Окончившая срок заключения на Соловках Аня Осокина сослана в г. Самарканд (Туркестан).

В Суздальском политизоляторе заболел старый товарищ Владимир Барман на почве недоедания.

Тов. Шарби-Брюханов и Василий Александров, после отбытия заключения на Соловках, сосланы на три года каждый — Шарби — в Ачинский округ (Сибирь) и Александров — в Архангельск.

Игорь Саблин, после Соловков, сослан на три года в г. Козлы-Орду (Казахстан).

Арестованные в Тюмени анархисты Виктор Сергеев и Владимир Егоров, содержавшиеся в строгой изоляции, переведены в Москву.

Арестованная в Москве Петросова отправлена в Суздаль.

Мария Вегер окончила срок ссылки и отправлена в Ташкент на три года.

Арон Вайнштейн и Айзик Тарасюк сосланы в Великий Устюг на три года, Абрам Вулис — на Урал на тот-же срок, Лев Рабинович — в Ирбит, Бетя Тубисман — в Сыр-Дарьинский округ и М. Геккельсман — в Канский округ (Сибирь).

Антон Шляховой, отбывший 3-х летнее заключение в Верхне-Уральском политизоляторе, сослан в Сибирь на три года. Туда-же сослан Натан Футефас.

Возвращенный из Соловков Куманов сослан в Ижму. Василий Косов переведен в Тюмень. Александр Сомоловков отправлен в село Самарово, Уральской области.

ПРИЗЫВ О ПОМОЩИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ В СССР.

От имени берлинского Секретариата Международного Общества Рабочих, за подписью А. Соци и Александра Беркмана, опубликовано обращение к международному пролетариату об оказании помощи политическим заключенным в СССР — борцам за социальную революцию.

Обращение гласит: „В последние месяцы до нас доходят самые тревожные сообщения из тюрем и ссылок в СССР. Революционеры — жертвы диктатуры — обречены на гибель в буквальном смысле слова. В результате продолжительного заключения, недостаточного питания и жестокого обращения, они становятся жертвами неизлечимых болезней, сумасшествия и смерти все в увеличивающемся числе.

„Ни один радикальный рабочий и свободомыслящий человек не может оставаться глух к призывам о помощи, исходящим из большевистских застенков. Каждый свободный должен демонстрировать симпатии и солидарность внесением своей доли в фонд помощи.

„Во имя духа интернациональной солидарности, во имя наших мучеников в СССР, мы апеллируем к каждому и всем об оказании немедленной помощи“.

Деньги можно посылать на имя берлинского Международного Общества Рабочих (Анархистский Синдикалистский Интернационал), в Москву на имя Черного Креста, или же в Детройт.

КРОПОТКИНСКИЙ СБОРНИК

Федерация Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций Соединенных Штатов и Канады осенью текущего года выпускает большой Кропоткинский сборник под редакцией М. Нетлау. В сборник войдут статьи всех известных анархистов русских и иностранных. Выпуск его обойдется около 500 долларов.

Желательно, чтобы организации и отдельные товарищи приняли активное участие в осуществлении этого начинания, и помогли сбором пожертвований и подписки на этот сборник.

Списать по этому делу можно с секретарем Федерации в Детройте. Надеемся, что общими и дружными усилиями мы успешно проведем эту работу в жизнь.

НОВАЯ КНИГА О П. КРОПОТКИНЕ.

Вышла в свет новая книга на английском языке под названием: „Петр Кропоткин: бунтарь, мыслитель и гуманист“, изданная американским анархистом Джозефом Ишпилом в Беркли Гайте, Н. Дж.

Книга содержит 191 страницу, представляет изящное издание с иллюстрациями и предисловием М. Нетлау. Издана она в количестве всего 75 экземпляров.

„ЧЕРНАЯ МОЛОДЕЖЬ“ В КИТАЕ.

Китайское правительство конфисковало почтовый ящик „Черной Молодежи“, — организации китайских анархистов. Последние ведут энергичную анархическую и антимилитаристскую пропаганду.

Китайские тред-юнионисты вполне справедливо жалуются на то, что европейские и американские рабочие ничего не предпринимают с целью противодействия отправки амуниции китайским генералам для разжигания междоусобицы в Китае.

АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЯПОНИИ.

В прошлом году японские анархисты сделали несколько попыток издания анархического журнала под названием „Сейгавудо“ (Бедняк). Этот журнал выходит раз в два месяца. Выпуск второго номера сопровождался арестом двух товарищей. Третий номер был конфискован после напечатания. У типографии журнала постоянно дежурят полицейские. Полиция арестовала многих товарищей, имеющих отношение к изданию журнала. Легальная работа становится все более затруднительной.

ОТКЛИКИ ДЕЛА САККО И ВАНЦЕТТИ

Третья годовщина казни анархистов Сакко и Ванцетти в Бостоне будет и в этом году отмечена мемориальными митингами в Соединенных Штатах и по всему миру.

Казнь неповинных людей трусливой американской буржуазией никогда не будет забыта. Кровь убитых анархистов требует отмщения. Их голос из могилы всегда будет тревожить покои и угрожать спокойствию и благополучию имущих классов, распявших дух неповинных анархистов.

Что память о погибших мучениках жива, можно судить по возрастающей из года в год литературе об этом деле. Уже написаны сотни книг и брошюр о деле Сакко и Ванцетти. Не особенно давно вышла в свет и уже переведена на русский язык и издана Госиздатом двухтомная книга известного американского писателя Оптона Синклера „Бостон“, представляющая яркое и красочное описание этого дела.

Опубликованы также судебные материалы и отчеты, представляющие несколько больших томов. Дело Сакко и Ванцетти становится известным все большему числу людей, которым открываются глаза на это чудовищное преступление, совершенное слугами кровавой буржуазии.

Сакко и Ванцетти убиты, но это убийство не спасет буржуазный класс от грядущей расправы. Оно только приближает час неизбежного краха капиталистического строя и торжества анархических идей, за которые были убиты Сакко и Ванцетти.

25-ТИ ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ЛУИЗЫ МИШЕЛЬ

В этом году исполнилось 25 лет со дня смерти известной французской анархистки Луизы Мишель, родившейся в 1830 году и умершей в 1905 году. Эта замечательная женщина, по отзывам ее биографов, „нежная, как котенок и яростная, как тигр“, сыграла крупную роль во французском революционном движении. Подобно русским анархистам Бакунину, Кропоткину, Толстому, Карелину, в ее жилах текла аристократическая кровь. Она происходила из знатного, богатого французского рода, и всю свою жизнь отдала на борьбу за освобождение человечества от экономического порабощения и политического угнетения. Как участница разгромленной Парижской Коммуны, Луиза Мишель провела долгие годы изгнания в Новой Каледонии. Вернулась она во Францию из ссылки в 1889 году убежденной анархисткой. Она ведет агитацию против республики с такой-же неослабной энергией, как и в прошлом против империи. В Париже Луиза Мишель устраивает большую демонстрацию безработных и идет во главе ее с черным флагом.

Власти опять бросают ее в тюрьму на шесть лет. Под давлением общественного мнения, правительство М. Валдека-Руссо амнистирует ее. Она снова всецело отдается анархической пропаганде, читает лекции, выступает со статьями в печати, организует школы свободного воспитания. Луиза Мишель, раздававшая все свои средства беднякам, совершенно пренебрегавшая материальными благами, заслужила название „непорочной покровительницы Монмартра“.

АНТИФАШИСТСКИЙ АЛЬМАНАХ.

В Женеве, Карло Фригерно, Кэйз Стенд 128, издал антифашистский альманах на итальянском языке, доход от продажи которого поступит в фонд помощи политическим заключенным. Объем альманаха — 80 страниц, содержит 20 иллюстраций, большинство портреты, и 25 статей, в том числе: Неттлау, Розанда, Фреджерно, Малатесты, Бертони, Режарка, Гюго, Дамiani, Фабри и др. Цена — один швейцарский франк.

АРГЕНТИНСКИЙ “ГОЛОС ТРУДА”

В последнее время налажен более-менее регулярный выпуск органа Федерации Российских Рабочих Организаций в Южной Америке “Голос Труда”. Заметно улучшилось содержание благодаря притоку новых литературных сил. Газета пользуется заслуженным успехом в рабочих кругах. Адрес “Голоса Труда”:

**Gregorio Krivoviazky,
Correo Central, Casilla 1752,
Buenos Aires, Argentina.**

ОСВОБОЖДЕНИЕ СИМОНА РАДОВИЦКОГО

После 20-ти летнего пребывания на каторге в Ушуае освобожден аргентинский анархист Симон Радовицкий.

Как только Радовицкий переступил порог тюрьмы, он сделал следующее заявление:

“Я — свободен. Я — снова человек между людьми. О моих двадцати годах, которые я протерпел и которые вынес, как анархист в ужасной каторге на Огненной Земле, еще будет время поговорить. Это был случай обыкновенный в жизни каждого революционера. Теперь же я хочу сказать, как мой наилучший привет товарищам и мировому пролетариату, что мой анархизм, который не сгибался в тюрьме, теперь еще сильнее чем когда бы то ни было базируется на свободе. Потому что я знаю, что моя свобода еще не означает освобождение народа, все еще раба буржуазной тирании. Чтобы уничтожить ее на всей земле, я буду всегда между вами”.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ МЕЖДУ КОММУНИСТАМИ И АНАРХО-СИНДИКАЛИСТАМИ В УРУГВАЕ.

В Уругвае между коммунистами и анархо-синдикалистами происходит ожесточенная борьба, не ограничивающаяся словесными поединками. Коммунистами был убит анархо-синдикалист Артуро Моралес. Анархо-синдикалисты ответили на это убийством коммуниста Осперы. Три синдикалиста арестованы и ожидают суда.

ВСЕ ЕЩЕ УПРАЖНЯЮТСЯ ВО ВРАНЬЕ.

Чизагским аршиновцам не нравится, когда их именуют "аршиновцами". Имя это и впрямь очевидно однозвучно, если последователи Аршинова протестуют против именования их "аршиновцами". Они-де "не частное издание" (мы этого никогда не говорили), а "орган Федерации А. К. С. III и К.". Между тем, на первой странице "Дело Труда" написано совсем другое, а именно: "Орган Федерации Русских Рабочих Организаций Соединенных Штатов и Канады". На первой странице аршиновцы говорят одно, а на 27-ой странице того-же журнала — совсем другое. Что-же из себя представляют на самом деле аршиновцы? Мы думаем, что не представляют ни того, ни другого. По нашему мнению, "Дело Труда" в настоящее время ничего общего с анархизмом не имеет, и скорее всего представляет "Федерацию склочников, антисемитов, черносотенцев и пасквильянтов".

Аршиновцы врут, говоря о бескорыстии своего "батеньки" Аршинова. Он писал для "А.И." и "В." и если ему не платили за статьи, то тем не менее помогали материально, как политическому эмигранту. Разница не в сущности, а лишь в форме.

Что касается Русто, то ни газета, ни "Пробуждение" ничего общего не имели и не имеют с этим объединением. Никогда они не приветствовали Русто. Наоборот, в "Рассвете" были резкие выступления против Русто и тех 2-3-х расветовцев, которые вошли в это объединение.

ПОЛЬСКИЕ МИЛИТАРИСТЫ ПРЕСЛЕДУЮТ ТОЛСТОВЦА

В октябре 1927 года в Остроге-Гонейе, польский суд приговорил Андрея Полишчука, по убеждениям толстовца, к двухлетнему тюремному заключению за отказ от военной службы. Ввиду отказа Полишчука, после отбытия тюремного заключения, поступить в армию, он вторично приговорен к тюремному заключению на пять лет. В настоящее время Полишчук содержится в Варшавской тюрьме. Протесты против его содержания в тюрьме следует направлять в Варшаву, польскому министру юстиции Ф. Дуткевичу.

ПРОТИВНИКИ ВОЕНЩИНЫ В ФИНЛЯНДИИ.

В Финляндии за время с 1919 по 1929 год отказался от военной службы 41 человек. Некоторые из отказавшихся подвергнуты наказанию в четвертый раз. Кроме того, 30 молодых людей эмигрировали в Америку, чтобы не служить в армии.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МЕЖДОУСОБИЦА В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ.

В скандинавских странах — Швеции, Норвегии и Дании — коммунистические партии охвачены острой междоусобицей. Они раскололись на многочисленные, враждующие между собой, фракции — сталинцев, троцкистов, правых, левых и т. п. В Швеции коммунистическая междоусобица обострилась до того, что коммунисты принуждены были обратиться к буржуазной полиции, выступившей в роли „примирителя“.

ЖАН ГРАВ БОЛЕН

Известный французский анархист, участник Парижской коммуны и наш сотрудник Жан Грав, заболел. Преклонные лета осложняют его болезнь. Старик все-таки крепится и энергично борется за свою жизнь. Мы от души желаем скорого выздоровления бесстрашному борцу и нашему учителю.

Считаем также нужным довести до сведения товарищей, что отдавший всю свою долгую жизнь на борьбу за освобождение рабочих от ига капитала и власти Жан Грав сильно нуждается. Помощь ему крайне необходима.

ОТЪЕЗД Р. РОКЕРА В ЕВРОПУ

Читавший в Соединенных Штатах лекции известный германский анархист Рудольф Рокер уехал в Европу. В Нью-Йорке в честь его состоялся прощальный банкет.

СИНДИКАЛИСТСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ВО ФРАНЦИИ.

Анархо-синдикалистская газета „Ле Комбат Синдикалист“ во Франции превращена теперь в еженедельник. Это указывает на усиление анархо-синдикалистского влияния во французском тред-юнионном движении, где коммунисты теряют свои позиции.

МЕЖДОУСОБИЦА В АРГЕНТИНСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ.

По сообщению аргентинского „Голоса Труда“, в аргентинском рабочем движении возгорелась междоусобица на почве раскола в синдикалистском движении, в синдикате портовых рабочих в Буэнос Айресе.

„С первых же дней, — пишет „Голос Труда“, — выступления нового синдиката, под духовным попечительством Ф. О. М., началась борьба между рабочими обоих синдикатов не на жизнь, а на смерть. И то в одном, то в другом конце порта случаются схватки между рабочими, членами этих двух синдикатов. Уже несколько рабочих, как старого, так и нового синдиката, пали жертвами этой борьбы.

„Чем это закончится — трудно предвидеть, потому что тут уже далеко не только борьба двух непримиримых тенденций в рабочем движении“.

И „Голос Труда“ совершенно правильно замечает:

„Но ведь силой и оружием не переубеждают себя рабочие взаимно, не выиграют ничего для себя и своего дела. А наоборот только сыграют на руку предпринимателям и капиталистам, которые только радуются, глядя на эту братоубийственную борьбу“...

„ПОКУШЕНИЕ“ НА ПРИГОЖИНА.

Аргентинский „Голос Труда“ сообщает следующие подробности о „покушении“ на жизнь аргентинского президента Пригожина

Оказывается, что никакого покушения на жизнь этой почтенной особы не было. Произошло простое недоразумение, жертвой которого пал не имевший никакого злого умысла человек.

„24 декабря 1929 года, — пишет „Голос Труда“, — при проезде президента Пригожина в Государственный Дом, из-за угла выбежал человек и бросился к президентскому автомобилю. Президентские опричники и охранники открыли стрельбу по нем со всех сторон так, что град пуль попал в автомобиль президента, которыми было ранено несколько охранников. „Нападавший“ же, зубной техник Марьяелли, мирный человек, хотевший передать письмо президенту, был смертель-

но ранен и добит в то время, как он уже лежал на земле. Над телом его полиция зверски поиздевалась. Но чтобы оправдать это подлое и мерзкое убийство беззащитного человека, было объявлено, что он „покушался“ на президента Пригожина“...

СМЕРТЬ АРГЕНТИНСКОГО АНАРХИСТА

В Буэнос Айресе, 28 января скончался на 66 году жизни один из старейших аргентинских анархистов, Габриэль Биажотти, принимавший участие в анархическом движении более 30 лет. Смерть застала его на посту анархиста. Он заболел во время лекционного объезда, вернулся в Буэнос Айрес и в госпитале умер.

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА „ПРО БУЖДЕНИЕ“ ОТ 24 НОЯБРЯ 1929 Г. ПО 11 МАЯ 1930 ГОДА.

ПРИХОД.

Переходная сумма	— — — — —	\$147.09
По подписному листу №12-й через тов. Г. Бренько	— — — — —	8.25
За журнал	— — — — —	59.70
Подписка	— — — — —	11.40

Добровольный фонд.

П. Чиж	— — — — —	3.25
П. Якушин	— — — — —	1.75
И. Котов	— — — — —	15.00

Детройт.

За журнал	— — — — —	44.92
Добровольный фонд	— — — — —	13.40
От лекций за 1928 год	— — — — —	20.35

ИТОГО \$325.11

РАСХОД.

Издание журнала	— — — — —	\$101.00
Сотрудники и переводы статей	— — — — —	109.50
В пользу полит. заключен. в России	— — — — —	25.00
На похороны тов. Шаповалова	— — — — —	17.50
Почтовые расходы	— — — — —	15.25
По съезду	— — — — —	10.45
За помещение	— — — — —	2.50

ИТОГО \$281.20

Общий приход	— — — — —	325.11
Общий расход	— — — — —	281.20
Остаток	— — — — —	43.91

Комиссия: К. Полейно А. Демчун.

Открыта подписка НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ **ПРОБУЖДЕНИЕ**

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными
организациями Северной Америки.
Журнал посвящен вопросам: политики, экономики, освободи-
тельного движения, науки, философии, искусства, литерату-
ры и критики.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР
ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает чита-
теля с журналом, как различные сообщения с
мест о том, что происходит на фабриках, в шах-
тах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” про-
сит поэтому товарищей присылать нам краткие
сообщения, заметки и корреспонденция об анар-
хическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содей-
ствия по распространению журнала, подыска-
нию новых подписчиков, и об оказании ему ва-
шей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке
журнал сможет выходить регулярно, и выпол-
нять возложенную на него миссию распростра-
нения безвластных идей свободы и меж-
дународного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.